

Ночь страсти

Автор:

Элизабет Бойл

Ночь страсти

Элизабет Бойл

Очарование (АСТ)Семья Дэнверс #1

Скандально знаменитый лондонский бал-маскарад – не место для девушки, которая заботится о своей репутации. Однако юная Джорджиана Аскот приходит туда с четкой целью найти мужчину, который стал бы... ее любовником. Джорджи надеется, что это поможет ей избежать ненавистного брака с престарелым сластолюбцем.

Идеальным кандидатом на эту роль она видит Колина, барона Данверса, – опозоренного, ославленного французским шпионом, отвергнутого светом. Однако тут-то и начинается путаница: в действительности, барон – не шпион, а двойной агент на тайной службе Его величества. И он, в свою очередь, уверен, что прелестная и таинственная соблазнительница, подарившая ему прекраснейшую в его жизни ночь, – подосланная французами разведчица...

Элизабет Бойл

Ночь страсти

Elizabeth Boyle

ONE NIGHT OF PASSION

© Elizabeth Boyle, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Пролог

Данверс-Холл

1818 год

Немного найдется людей, после грандиозного скандала изгнанных из высшего общества, чья репутация была растоптана, но потом сумевших вернуться в свет, где их встретили с распростертыми объятиями. Именно это и случилось со мной.

После вновь обретенного расположения бомонда я каждый день получал горячие просьбы рассказать о моих опасных приключениях...

Должен честно признаться, что я поведал моим жаждающим слушателям хорошо продуманную версию, изобилующую опасностями, безрассудными поступками и победами, одержанными над противником. И всем им я лгал, так как на самом деле это была история моей любви.

Если бы я рассказывал правду, то угостил бы их перечислением героических подвигов моей невероятной, восхитительной Джорджи, моей дорогой и очаровательной Киприды, которая за одну ночь страсти похитила мое сердце и спасла свою страну.

Колин, барон Данверс.

Глава 1

Лондон

1799 год

– Принимая во внимание документы и свидетельства, представленные суду, я вынужден, капитан Данверс, освободить вас от всех обязанностей во флоте его величества. – С этими словами командующий флотом ударил молотком по судейскому столу, словно забивая последний гвоздь в гроб. Затем наступила оглушительная тишина.

Переполненный зал суда стал свидетелем крушения одной из самых блестящих карьер во флоте, соперничавшей, как полагали некоторые, с карьерой самого адмирала Нельсона.

Многие сомневались, увидят ли они еще когда-нибудь столь стремительное и сокрушительное падение. В зале не было ни одного человека – морского офицера или простого матроса, который не вознес бы благодарственную молитву Богу за то, что это произошло не с ним и не его жизнь и благополучие были брошены на дно ледяной Атлантики.

Большинство мужчин, собравшихся в зале, занимали высокие посты и были связаны законами чести, морскими традициями и неписаным этикетом, которые грубо нарушил капитан Колин Данверс. Никто не смог бы оспорить ужасных доказательств его предательства и двуличности. Даже адмирал Нельсон, твердая опора и многолетний наставник подсудимого, столкнувшись с неоспоримыми фактами, не представил свидетельств невинности капитана.

Итак, будущее для капитана Данверса, сиявшее как Полярная звезда, сейчас выглядело угрюмым и мрачным, словно лондонский туман: увольнение из флота и лишение всех наградных денег – суммы, которая вызывала зависть многих его сослуживцев.

Это был момент, достойный гробового молчания.

Что же до самого капитана Данверса, то он стоял перед советом Адмиралтейства выпрямившись, будто проглотил линейку, и широко расправив

плечи. И хотя его изгнали, в его взгляде, обращенном к судьям, горели те же необузданность и непокорность, что и были причиной его падения.

– Это все, милорды? – имел он наглость поинтересоваться.

Командующий флотом взвился, и его усы задрожали от гнева.

– Считайте, вам повезло, что вас не вздернули на рее, вы, наглый щенок.

Некоторые закивали головами в знак согласия. И, правда, будь на его месте кто-то другой, он давно болтался бы в петле. Но семейные связи подсудимого в высших кругах не позволили этому случиться.

Хотя Данверс и был предателем-ублюдком, недавно он унаследовал от своего отца титул барона. К тому же дедушкой капитана по материнской линии был не кто иной, как герцог Сечфилд, человек, которому редко кто отваживался перечить.

Нет, адмиралтейский совет не мог повесить капитана Данверса, но вынесенное ему наказание было весьма впечатляющим.

«У человека отобрали море, лишили светского общества и жизни среди себе подобных. Его выбросили на сушу и низвергли в ад презрения и насмешек».

Свисток в глубине зала суда оповестил об окончании заседания, и трое судей дружно поднялись со своих мест. Данверс отвесил им вежливый поклон. Затем, словно ему только что доверили командование целым флотом, круто повернулся и с высоко поднятой головой направился к двери. Толпа расступилась, и он остался один в проходе. От него прятали глаза и перешептывались за спиной; некоторые демонстративно отворачивались. Однако он уходил, не замечая всего этого. «Проклятье», – произнес старый капитан несколько часов спустя в одном из офицерских клубов, вспоминая прощальную сцену, – он покинул зал улыбаясь, словно был самим Сатаной.

Джорджиана Аскот стояла перед дверью столовой своего дяди, собираясь с силами для неизбежной неприятной встречи. Письмо, зажатое у нее в руке и содержащее очередное оскорбление, нанесенное ей безразличными к ее судьбе

родственниками, стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. «Если бы только миссис Тафт не умерла!» – подумала она. Тогда они с сестрой по-прежнему жили бы в доме этой леди в Пензансе, куда равнодушный и скупой дядя передал их на воспитание одиннадцать лет назад после смерти родителей.

В то время дядюшке Финеасу и дела не было до осиротевших племянниц, непонятно только, почему он так засуетился теперь.

Но если и стоило кого винить в этой суматохе, так это священника, решила Джорджи.

Она не оказалась бы здесь, если бы этот праведник не был потрясен мыслью, что после безвременной кончины миссис Тафт сестры останутся одни в маленьком доме, и не взял на себя труд написать дяде.

К тому же, знай приходской священник правду о прошлом миссис Тафт, ни он, ни его жена никогда бы не посетили эту леди в ее доме и уж тем более не считали бы ее одной из самых достойных прихожанок.

Ох уж эти мужчины! Они устраивают жизнь женщин, даже не удосужившись принести извинения за это, подумала про себя Джорджи, шагая взад и вперед. Нет, она не собирается мириться с этим. И тем более с тем, о чем говорилось в письме, подумала девушка. Выйти замуж за человека, который вчетверо старше ее! И к тому же слывет первейшим распутником в Лондоне!

К счастью для Джорджи, старый друг их семьи леди Финч детально описала самые дикие слухи, ходившие в высшем свете относительно ее неизбежной помолвки с лордом Харрисом. Зная дядюшку Финеаса, Джорджи почти не сомневалась, что, скорее всего, тот сообщит ей о свадьбе лишь перед тем, как нужно будет одеваться к церемонии.

Но главное заключалось в том, что ее суженый уже похоронил девять жен.

У Джорджи не было намерения стать десятой. Она выпрямилась и, исполненная решимости, вошла в столовую, даже не постучав. Миссис Тафт всегда говорила, что надо встречать опасность смело и решительно.

Правда, она всегда добавляла, что неожиданность и хитрость – неотъемлемые атрибуты женской тактики, когда имеешь дело с самым жутким животным – мужчиной.

И эпитет «жуткий» прекрасно характеризовал дядю Финеаса.

– Дядя, я должна поговорить с вами. – Дядя поперхнулся супом при столь несвоевременном появлении в столовой старшей племянницы.

– Что, черт побери, тебе от меня надо? – поинтересовался Финеас Аскот, виконт Брокет, когда наконец откашлялся и пришел в себя.

Джорджи решила не отступать:

– Что означает новость о моей свадьбе?

Дядя бросил сердитый взгляд на жену. Леди Брокет затрясла головой, отчего ее кудряшки запрыгали в знак тревоги и отрицания своей вины.

– Я ничего не говорила девочке, Финеас, ни словечка.

– Тетя Верена не имеет к этому никакого отношения, дядя. – Джорджи не очень-то любила свою эгоистичную тетю, но не могла допустить, чтобы дядя третировал из-за нее жену. – Час назад я получила это письмо от леди Финч. Она утверждает, что ей доподлинно известно о моем скором замужестве.

– Как это письмо попало к тебе? – требовательно спросил дядя. – Я отдал распоряжение, чтобы все ее письма... – Он замолчал, почти признавшись, что приказал перехватывать личную корреспонденцию девушек, и тут же перенес всю вину на Джорджи: – Итак, моя племянница – воровка! Мелкий ворюшка у меня в доме!..

– Дядя, оставьте в покое леди Финч, – попросила Джорджи, не желая раскрывать, как к ней попало письмо. – Отвечайте. Я должна выйти замуж?

Лорд Брокет гневно зашипел, затем, вытерев подбородок салфеткой, ответил, не скрывая своего нетерпения:

– Да. И я не собираюсь выслушивать то, что изречет по этому поводу твой дерзкий язычок. Все бумаги были подписаны сегодня днем, осталось лишь объявить о предстоящем бракосочетании.

Джорджи вздрогнула от гнева и испытала неодолимое желание бросить ему в лицо слова, которых он, вероятно, никогда и не слышал, но определенно заслуживал. Однако она твердо решила следовать своему намерению держать себя в руках.

– Леди Финч правильно известила меня, что мой суженый – лорд Харрис?

Дядя Финеас вновь бросил на жену обвиняющий взгляд. Кудряшки снова запрыгали в знак отрицания.

– Я ни словом не обмолвилась, дорогой, – произнесла тетя Верена. – Клянусь тебе.

Казалось, это не убедило дядю Финеаса. Он отпил глоток вина и жестко взглянул на Джорджи.

– Ты должна считать, что тебе повезло, – сказал он. – Ты станешь графиней. Хотя, на мой взгляд, ты не заслуживаешь этого.

– Мне наплевать, стану я графиней или нет, – ответила девушка. – Тем более если это означает выйти замуж за дряхлого негодяя, который так стар, что мог бы быть моим прадедушкой.

– Вот тебе на! – Дядя Финеас бросил на нее взгляд, в котором читалось, что она – самое глупое из созданий, когда-либо живших на земле. – Неужели ты не понимаешь, что это тебе во благо. Я признаю, что Харрис стар, но у него нет детей, зато есть несколько прекрасных поместий, не закрепленных ни за кем из наследников. Они будут твоими, как только он отправится в мир иной. Скорее всего, это случится уже в этом году – либо от болезни, либо от твоего острого язычка.

Он грубо засмеялся, что заставило Джорджи крепче сжать зубы, чтобы удержаться и не стукнуть его по голове серебряным подносом.

– Я ни за что не выйду за него замуж, дядя. – Джорджи глубоко вздохнула. – Леди Финч пишет, что он требует... требует... – Она никогда не могла понять, почему в свете все пытаются смягчить неудобные слова, и уж тем более не собиралась следовать этому правилу сейчас, когда на карту была поставлена ее жизнь. – Черт возьми! Требуется медицинского освидетельствования, прежде чем мы поженимся.

Дядя Финеас заморгал, делая вид, что не понимает, о чем идет речь, поэтому Джорджи решила назвать все своими именами:

– Обследования меня доктором, чтобы удостовериться, что я девственница.

Ее слова чуть не повергли тетю в обморок, а дядя побагровел при открытом упоминании столь щекотливой темы.

– У тебя что, совсем нет совести, девочка? – Он подкрепился глотком вина. – Хотя чего ожидать, принимая во внимание, что тебя воспитала эта старая греховодница.

– Женщина, которую вы сами наняли, дядя, – уточнила Джорджи. – И которой платили гроши за эту привилегию.

– Чушь, – сказал он, отменяя ее замечание негодующим взмахом салфетки. – Ты выйдешь замуж за Харриса, и больше ни слова об этом. Теперь отправляйся в свою комнату и позволь нам мирно закончить обед. Но Джорджи не отступала:

– Как вы можете одобрять подобный выбор? Не говоря уж об этом ужасном обследовании? – Все мужчины из рода Харрисов всегда требовали, чтобы их невесты были девственницами, но нынешний немного переусердствовал в этом. – Дядя Финеас сделал еще один глоток вина. – Очевидно, последняя леди Харрис не была так непорочна, как уверяла ее семья. Поэтому на сей раз лорд Харрис действует наверняка. Он потребовал включить подтверждение этого в брачный контракт. И точка. Я не желаю ничего больше слышать. Его доктор придет сюда завтра, и ты ничего не можешь поделать с этим. Ты подвергнешься этому... этому... этому обследованию, – наконец закончил он, – даже если придется призвать всех слуг, чтобы держать тебя.

Завтра? Так скоро?

Колени у Джорджи задрожали, а в желудке все перевернулось. Она подумала, что ее сейчас стошнит прямо здесь, на лучший турецкий ковер тети Верены. Но это будет неэтично и определенно ничем не поможет ей. Поэтому она собралась с силами и попыталась придумать что-то. Они с Кит могли бы убежать. Скрыться из города.

Но как? У них не было ни денег, ни родных, которые могли бы приютить их, им некуда было идти. И не было такого места, где их не нашел бы дядя Финеас.

Джорджи покачала головой:

– Как вы можете так поступать со мной, вашей племянницей?

Прежде чем дядя успел ответить, в разговор вмешалась его жена:

– Это дело рук не твоего дяди, Жоржетта. Твой опекун счел этот шаг весьма выгодным. Все, что сделал твой дядя, – это оказал тебе честь, найдя подходящего мужа.

– Мой опекун? – Джорджи пристально посмотрела на свою рассеянную тетку, которая до сих пор не сумела запомнить ни ее имени, ни имени ее сестры. – Что вы имеете в виду? Мой опекун – дядя Финеас.

– Верена, довольно, – зашипел лорд Брокет.

– Я не позволю ей плохо отзываться о тебе, дорогой, – возразила тетя Верена. – Она должна знать, кто на самом деле отвечает за этот шаг. Хотя ваш дядя нес всю ответственность за ваше воспитание и заботился о тебе и Кэтрин...

– Кэтлин, – поправила ее Джорджи.

– О, да-да, Кэтлин, если тебе угодно. Но не забывай, мы с твоим дядей – ваши единственные дорогие родственники, и именно мы заботились о вашем благополучии после смерти ваших родителей, в то время как ваш официальный опекун, этот ужасный лорд Данверс, совершенно не интересовался вами,

неблагодарные девчонки, – произнесла леди Брокет, прежде чем муж успел заткнуть ей рот.

Дорогие родственники? Это несколько меняло дело.

Дядя Финеас и тетя Верена передали девочек на воспитание в Пензанс на третий день после похорон их родителей. И ни разу за все последующие одиннадцать лет не последовало ни одного посещения, ни единой строчки, свидетельствующих о заботе их единственных родственников.

Нет, о детях по-настоящему заботились лишь миссис Тафт и ее муж-морьяк капитан Тафт. Они относились к девочкам с участием и любовью, которыми не обременяли себя их кровные родственники.

Джорджи перевела взгляд с дяди на тетю, затем опять посмотрела на дядю:

– Это правда? Мой официальный опекун действительно этот лорд Данверс?

Дядя наморщил нос и свел брови.

– Да, – наконец признался он. – Ваш отец оставил все свои деньги лорду Данверсу и доверил ему опекунство над вами. Но не забывайте, что вся ответственность за расходы на ваше воспитание легла на мои плечи. Ваш опекун одобрил лишь какие-то незначительные суммы, а затем взвалил все на меня. – Он запыхтел, потом бросил салфетку на стол.

Черт побери, подумала Джорджи. Оказывается, не только дядя Финеас руководил всей ее жизнью, теперь всплыл какой-то незнакомый и определенно равнодушный опекун, отравляя ее жизнь. Неужели этим мужчинам нечем больше заняться?

– Тогда я требую встречи с лордом Данверсом, – заявила девушка. – Я выскажу ему то, что уже сказала вам. Я не выйду замуж за лорда Харриса.

– У лорда Данверса нет времени выслушивать жалобы эгоистичной девчонки. Все документы уже подписаны, и послезавтра объявление о свадьбе будет помещено в газетах.

– Уверена, что лорд Данверс не столь бессердечен, чтобы выдать меня замуж без моего согласия.

– Твоего согласия? Зачем оно ему? – Дядя Финеас покачал головой с тем же презрением, с каким выслушивал жалобы тети Верены по поводу того, что слуги тайком пьют их лучший херес или что она не может найти модистку, которая предложила бы фасон идеальной для ее головы шляпки. – Советоваться с женщиной относительно ее замужества? Что за чушь!

Джорджи опять взглянула на массивный поднос, но сдержалась.

– Не думаю, ведь именно мне придется вынести все унижение медицинского осмотра, не говоря уже о том, что мне предстоит делить постель с человеком, который, по слухам, болен сифилисом.

– Сифилисом! – ахнула тетя Верена, словно говоря, что подобные слова доконают ее, и действительно чуть не упала в обморок. Ее голова склонилась в одну сторону, затем в другую, желтые завитки запрыгали, как нарциссы на весеннем ветру, а дыхание стало прерывистым. – Моя нюхательная соль! Мой флакончик!

Лорд Брокет похлопал жену по руке:

– Успокойся, старушка.

– Как вульгарно, – сумела выговорить тетя Верена. – И это за обедом.

– Теперь смотри, что ты наделала, гадкая девчонка, – сказал дядя Финеас, переводя взгляд на Джорджи. – Вижу, я напрасно тратил деньги на твое воспитание. Если бы та ничтожная женщина не умерла, я потребовал бы назад всю сумму до последнего шиллинга. Ты ведешь себя как простолюдинка, а не как благовоспитанная молодая леди, которая вот-вот должна стать графиней. – Он поднял свой бокал и нахмурился, обнаружив, что тот пуст. – А теперь вон, дерзкая девчонка. Я хочу спокойно закончить обед. – Он потянулся за графином.

Джорджи наклонилась над столом и передвинула графин так, чтобы дядя не мог до него дотянуться. Она упрямо встретила его сердитый взгляд. Он мог что угодно говорить о миссис Тафт, которая определенно была не лучшей кандидатурой, чтобы обучать девочек правилам хорошего тона. Но в данный момент Джорджи испытывала благодарность за то, что получила другие уроки от этой умудренной жизненным опытом женщины, например, как постоять за себя.

– Дядя, если вы не имеете отношения к этому предполагаемому браку, я обсужу его с лордом Данверсом. Пригласите его сюда. Хоть сегодня.

Дядя махнул рукой, выпроваживая ее из комнаты.

– Это невозможно. Этот человек занят собственными проблемами. Скорее всего, сейчас он уже покинул город. Сегодня утром его судили за предательство, по крайней мере так сообщается в «Тайме». – Он подвинул к ней лежавшую рядом с его тарелкой газету. – Считаю, тебе повезло, что я имею право высказаться по поводу этого дела, иначе неизвестно, с кем бы ты была сейчас помолвлена.

– Он – предатель? – Она взглянула на заголовок статьи, и ей стало ясно, что на этот раз дядя был честен с ней. Предательство. Ее опекуна осудили за предательство. Ей бросились в глаза другие слова из длинной и обстоятельной статьи: «бесчестный», «трусливый», «чудовищный».

О чем думал их отец, оставляя своих дочерей на попечение такого человека?

Впервые в жизни Джорджи поймала себя на том, что предпочла бы иметь опекуном своего дядю. И она должна была признать, что нуждается в его помощи. Отчаянно нуждается. Она даже была готова угождать ему, если потребуется, как только перед ее мысленным взором возникла картина дряхлого, дурно пахнущего старика, который возьмет ее в свою постель. Этого было достаточно, чтобы сдержаться.

– Дядя, ведь вы обещали мне лондонский светский сезон, – сказала она, подвинув к нему графин вина, словно давая взятку. – Подарите мне его, так чтобы я по крайней мере могла попытаться найти более подходящую партию. Это всего лишь три месяца.

– Светский сезон? Тебе? – Дядя Финеас покачал головой: – Об этом не может быть и речи. Мы лишь выбросим на ветер кругленькую сумму. Возможно, это удастся твоей сестре, так как она получит неплохое состояние с помощью тети Верены. Но ты? Едва ли. – Он засмеялся, и его веселость пронзила ее сердце, хотя в его словах и была доля правды.

В двадцать один год она была уже несколько старовата для участия в ярмарке невест и прекрасно понимала, что не относилась к числу тех изысканных и образованных молодых леди, которых предпочитают мужчины из общества. Она была слишком высока, а ее фигура отличалась округлостью, так что ее нельзя было назвать изящной крошкой. К тому же слишком своевольная и прямолинейная, чтобы придерживаться в разговоре таких безопасных тем, как погода или любимое мороженое в кондитерской Гюнтера. При том, что ее излюбленными темами было итальянское искусство и новшества в навигации.

Однако почему бы не попытаться? Должен же найтись человек, который примет ее из рук дяди. Она отбросила остатки гордости и начала умолять его:

– И все же, дядя, вы не можете лишить меня возможности появиться в свете, если не ради меня, так из уважения к памяти моего отца.

Как только Джорджи произнесла эти слова, она поняла, что зашла слишком далеко, так как лицо дяди пошло пятнами того же красного цвета, что и вино в графине.

– К черту сезон! Я нашел тебе мужа с годовым доходом в двадцать тысяч фунтов, а ты ведешь себя как изнеженная и избалованная девица. И как ты смеешь обращаться к памяти отца, словно он был святым! Он сделал свой выбор, когда женился на твоей матери, этой французской дряни. Прислушался он к мнению своей семьи, своих друзей? Нет! Он получил жестокий урок когда она убила его, и я не допущу, чтобы эта семья вновь опозорила себя опрометчивым браком или другим столь же печальным скандалом. – Он перегнулся через стол и погрозил ей пальцем. – Слушай меня внимательно девочка, я больше не потерплю от тебя ни единого слова об этом деле. Ты выйдешь замуж за Харриса, и, уверен, ты не пожалеешь об этой сделке. – Угрожающий палец указал на дверь.

На какое-то мгновение в уме Джорджи промелькнули все контраргументы, но она знала, что это бесполезно. Оставалось только одно – взять все в свои руки.

Как только дверь столовой захлопнулась за племянницей, Верена покачала головой и раздраженно вздохнула.

– Сколько сил отнимают эти дети. Ты рад, что у нас не было своих собственных?

Она на минуту замолчала и отпила глоток вина. Ее взгляд не отрывался от того места, где стояла Джорджиана, превратившая их спокойную трапезу в отвратительную сцену.

Девчонка была подлинным сорванцом, и чудо, что Финеас сумел найти ей мужа, принимая во внимание ее дурные манеры и сомнительное воспитание.

Сомнительное воспитание.

Эта мысль заставила ее вздрогнуть. Что, если девушка не была дев...

– Тебе не приходило в голову, дорогой, – начала она, пытаясь найти подходящие слова, чтобы затронуть столь деликатную тему, – что твоя племянница может не соответствовать строгим требованиям лорда Харриса?

Брокет кивнул:

– Конечно, принимая во внимание, что ее воспитывала эта старая ведьма с сомнительной репутацией, хотя ее услуги и стоили довольно дешево. Не сомневаюсь, что она росла без должного присмотра. Один бог знает, какие опасности подстерегают девчонку в доках Пензанса. Кстати, тот носатый священник говорил, что она ежедневно ходила туда смотреть, как приходят и уходят корабли.

При этом известии глаза Верены расширились от ужаса.

Молодая леди в доках? Боже, с какими мужчинами была в контакте их Жоржета?

Сейчас самое время начинать собираться в деревню, поскольку Финеас объяснил ей, что они должны получить приданое Джорджи за то, что дали ей привилегию стать леди Харрис. Дурной репутации лорда Харриса в высшем свете вместе с историей о том, как он терял жен при самых подозрительных обстоятельствах, было бы достаточно, чтобы отказать ему в выборе невесты, достигшей брачного возраста, – герцог он или нет. Даже богатые горожане, готовые отдать все свое состояние, чтобы увидеть свою дочь герцогиней, не желали породниться с ним, хотя это и дало бы им возможность занять более почетное место в обществе.

По правде говоря, лорд Харрис перешел все границы приличий.

Однако для Брокетов он явился ангелом-спасителем. Со счетами и векселями, не оплачиваемыми вот уже несколько лет, и угрозами лишить их права выкупа заложенного имущества им до зарезу нужно было приданое Джорджи. Финеас утверждал, что деньги достанутся им. Приданое составляло вдовью часть наследства матери Финеаса, которая была завещана младшему брату, Франклину, а затем, минуя Финеаса и Верену, должно перейти к Джорджиане и Кэтлин.

Временами жизнь бывает очень несправедливой, подумала Верена. Эти несносные девчонки будут купаться в золоте, а их родственники останутся с пустыми карманами. К счастью для них, лорда Харриса вовсе не беспокоил вопрос о приданом Джорджи, все, чего хотел, – это еще одну жену, которая могла бы родить ему ребенка.

Но невеста должна быть девственницей. Это беспокоило Верену больше, чем ей хотелось признаться. Ведь если Джорджи не была так невинна, как они обещали лорду Харрису, ни о каких деньгах не может быть и речи.

И в каком они окажутся положении? Они будут опозорены, и им придется бежать из города?

Верене становилось дурно от одной мысли. Она снова взяла в руки свой вечно сопровождавший ее флакончик с нюхательной солью.

– Что, если результаты осмотра не удовлетворят лорда Харриса? Что ты тогда будешь делать? – спросила она мужа, и на ее глазах выступили слезы.

Финеас откинулся в кресле и вытер жирный подбородок.

– Тогда я отдам старому козлу младшую сестру. Она – дерзкая девчонка, но слишком молода, чтобы попасть в такого рода неприятности. – Он улыбнулся жене и потрепал рукой ее пухлые пальцы. – Не бойся, Верена, так или иначе, не пройдет и месяца, как одна из этих девчонок станет леди Харрис, и мне больше не нужно будет беспокоиться о нашем будущем.

Джорджи выскочила из комнаты и почти споткнулась о свою тринадцатилетнюю сестру Кэтлин, которая стояла на коленях перед закрытой дверью.

– Кит! – прошептала она, не желая, чтобы ее дядя и тетя обнаружили, что младшая из сестер подслушивала их разговор. Это только добавило бы строку ко все возрастающему списку грехов девушек.

Она схватила свою юную сестру за руку и потащила ее от двери столовой к лестнице.

– Сколько раз я говорила тебе, что подслушивание доведет тебя до беды!

Не обращая внимания на нравоучения сестры, Кит высвободила руку и прямо взяла быка за рога:

– Что ты собираешься делать, Джорджи? Ты не можешь выйти замуж за этого ужасного человека!

– Не знаю, – призналась старшая сестра. Отвернувшись от встревоженного лица Кит, она побежала вверх по ступенькам к их укромному уголку в мансарде.

– Дядя не может так поступить с тобой, это несправедливо, – жалобно произнесла девочка, следуя по пятам за сестрой.

– Похоже, здесь не из чего выбирать, – сказала Джорджи, войдя в комнату. – По крайней мере сейчас. – Она закрыла за ними дверь, и у нее вырвался глубокий вздох отчаяния.

Шагая по истертому ковру, она пыталась придумать, как помешать совершиться этой унижительной помолвке. Но что можно сделать за столь короткий срок? И как ей вести себя завтра утром, когда явится личный врач лорда Харриса?

В желудке Джорджи снова все перевернулось. Она присела на ветхий подоконник, обхватив руками дрожащие колени. Письмо леди Финч, которое она сжимала в руке, упало на пол.

Кит бросилась на ковер у ног Джорджи, подняла упавшее письмо и разгладила смятые страницы.

– Как дядя Финеас объяснил свой выбор? Я всего не расслышала. – Она смущенно улыбнулась от этого признания, но не извинилась за свое поведение. – Ведь он не может вынудить тебя вступить в брак. Пусть он и наш опекун, он все равно наш родственник. А родные люди не должны поступать так по отношению друг к другу, не правда ли?

При этих словах Джорджи тихо и горько рассмеялась. Она повернулась к сестре и встретилась с ее открытым и испуганным взглядом.

– Возможно, что родные так не поступают, но наши родственники никогда не считали нас таковыми. Проблема еще и в том, что дядя Финеас не наш опекун. Тетя Верена проговорила, что отец оставил нас под опекой лорда Данверса. Очевидно, эта свадьба – его идея.

– Лорд Данверс? Кто он?

– Не имею ни малейшего представления, – покачала головой Джорджи. – Сегодня я впервые услышала о нем.

– Как ты думаешь, миссис Тафт знала об этом?

– Нет, – ответила старшая сестра. – В этом я абсолютно уверена. – Миссис Тафт многого не доставало в качестве приемной матери, но знай она, что деньгами распоряжается кто-то другой, а не мистер Финеас, она пошла бы на все, чтобы ее девочки, как и другие молодые леди их круга, имели все подобающие привилегии и получили достойное образование. Денег в хозяйстве капитана

всегда не хватало, так как он нередко отправлялся в длительные путешествия, и то немного, что он приносил в дом, обычно опять вкладывал в свой корабль.

Нет, миссис Тафт не могла знать об этом лорде Данверее. Но теперь, когда о его существовании стало известно Джорджи, она разорвет эту помолвку, разыщет этого подлеца и постарается сделать так, чтобы он никогда больше так властно не распоряжался ее жизнью. Или судьбой Кит.

– Ты не можешь позволить этому случиться, – сказала сестра, отрываясь от письма леди Финч. – Просто не можешь. Мы должны пойти к этому лорду Данверсу и воззвать к его чувству чести.

– Сомневаюсь, что ему известен смысл этого слова, – парировала Джорджи. – Он предстал перед адмиралтейским судом. Похоже, бесчестное поведение – вторая натура этого человека.

Кит нахмурилась:

– Да, о ком-то говорили, что он – предатель. Но я думала, это относилось к дяде Финеасу.

– И к нему тоже. – Джорджи улыбнулась. Они рассмеялись, и Кит сжала руку сестры.

– Тебе нужно найти этого лорда Данверса и убедить в ошибочности его поступка. Посмотри, как хорошо ты воздействуешь на меня. Я теперь почти не подслушиваю.

Джорджи возвела очи горе. Если бы подслушивание Кит было ее единственным грехом! У нее также была склонность к воровству, но, к счастью, сегодня ее таланты проявились в том, что она вытащила письмо леди Финч из стола дяди, прежде чем тот успел выбросить его, что, как она подозревала, он сделал с другими посланиями дорогой леди.

– Будь уверена, я собираюсь отыскать этого негодяя, и, когда я закончу с ним, он получит полное представление о значении таких слов, как честь и долг. Но прежде всего мне нужно найти способ разорвать помолвку.

Кит неожиданно оживилась.

– Леди Финч упоминает про осмотр, – сказала она, указывая на абзац, в котором шокированная леди сообщает Джорджи о ставшем притчей во языцех и почти фанатичном требовании лорда Харриса, чтобы его невесты были девственницами. – Она пишет, что лорд Харрис женится на тебе только в том случае, если подтвердится, что тебя никто не касался. – Кит замолчала, снова и снова с недоуменным видом перечитывая слова письма.

– Ты еще слишком мала, чтобы читать это. – Джорджи выхватила несколько откровенных страниц из рук своей не в меру любопытной сестры.

Кит хитро улыбнулась и, прежде чем Джорджи опомнилась, вновь завладела письмом.

– А что, если тебя кто-то касался? Если бы ты была обещана? – Ее глаза заблестели. – Леди Финч ясно пишет, что лорд Харрис женится на тебе только в том случае, если твоя репутация не запятнана. Если что нужно, Джорджи, – это испортить свою репутацию, так чего же ты ждешь?

– Кэтлин Ориана Аскот, тебе еще рано знать о таких делах и тем более предлагать своей сестре подобный выход, – сказала Джорджи самым грозным тоном, мысленно ругая себя за то, что эта мысль не пришла на ум ей первой.

Кит поднялась с пола и устроилась на другом конце подоконника.

– А разве ты еще не погубила свою репутацию? Тетя Верена именно так и сказала, узнав, что ты одна пошла на прогулку тем утром.

– Нет, я думаю, что прогулки в одиночестве по парку, к сожалению, будет недостаточно.

– По тому шуму, который подняла тетя Верена, можно было подумать, что тебя на этой прогулке касалась половина мужского населения Лондона. – Кит вздохнула. – Как бы я хотела вновь оказаться в Пензансе!

– И я тоже.

Лондонский дом их дяди сильно отличался от солнечного и уютного коттеджа, где они жили у миссис Тафт. Джорджи откинулась на своем конце подоконника и прижалась щекой к холодному стеклу. По телу пробежал холодок.

Даже если бы ей удалось запятнать свою репутацию в одну ночь, это не позволило бы ей жить той жизнью, о которой она всегда в глубине души мечтала. Ей очень хотелось когда-нибудь обрести любовь, почувствовать тот же трепет, который она испытывала, наблюдая за отплытием при волшебном свете закатов больших кораблей из порта в Пензансе в экзотические страны, навстречу самым невероятным приключениям.

И девушка придумывала их. Когда капитан Тафт возвращался в порт, он позволял девочкам свободно прогуливаться по кораблю. Во время этих драгоценных недель Джорджи фантазировала, как отправляется на его корабле «Сибарис» в самые удивительные страны.

Ее воображение еще больше разжигали сильно приукрашенные рассказы капитана о своих приключениях, а его грубоватая команда искренне полюбила сирот и баловала их, словно выводок любящих родственников. От них сестры научились вязать морские узлы, освоили морской жаргон и бесстрашно карабкались на головокружительную высоту главной мачты, приводя в смущение матросов своим редким талантом.

И по ночам, когда небо усеивали яркие звезды и они падали одна за другой, Джорджи каждый раз загадывала желание, множество желаний, сводившихся к тому, что однажды она встретит человека, который поймет ее мечты о приключениях и дальних странах, и этот рыцарь увезет ее далеко от Англии и избавит от бедности и безвестности.

На палубе отправляющегося в дальние страны корабля ее избранник не будет отрывать от нее восхищенного взгляда, он полюбит ее такой, какая она есть, а не за ее чистоту и непорочность.

Как любили друг друга ее родители. Дядя может выдвигать самые скверные обвинения в их адрес, но она знала правду – они горячо любили друг друга, и их трагическая смерть была результатом предательства... но не со стороны одного из них.

Когда бы она ни думала о той страшной ночи, в которую погибли ее родители, в ее памяти всплывал образ нежной мамы: вот она каждый вечер заботливо подтыкает вокруг нее одеяло и ласковым голосом шепчет убаюкивающую молитву на французском, а отец стоит в дверях детской, одетый в пальто и с фонариком в руке.

Но остальные воспоминания о том перевернувшем ее судьбу вечере Джорджи прятала глубоко в сердце, потому что боялась их больше, чем этой надвигающейся угрозы замужества.

Похоже, она, как и ее родители, могла стать жертвой равнодушия других людей. Если бы только родители были живы! Тогда у нее был бы лондонский сезон, как у других девушек ее круга.

Если бы только она могла получить этот лондонский сезон! Конечно, этого уже не случится, но мечтать об этом очень приятно. Получить возможность грациозно войти в элегантный бальный зал... осмотреть утонченную публику, встретиться взглядом с лукавым, чертовски красивым мужчиной и тут же понять, просто понять, что он именно тот, кто разгадает все ее секреты, осуществит все ее желания и оправдает все ее надежды.

– Почему ты считаешь, что тебя невозможно скомпрометировать? – голос Кит ворвался в мечты старшей сестры. – Ты хорошенькая и не отпугнешь тех ужасных волокит, от которых тебя предостерегала в своем последнем письме леди Финч.

Джорджи вздохнула:

– Сколько раз я говорила тебе, что нельзя читать письма, адресованные другим людям!

– Ты бы и не увидела тех писем, если бы я не крала их из кабинета дяди Финеаса, – проворчала в ответ Кит.

Джорджи нечего было возразить. Действительно, как она могла жаловаться на то, что Кит стащила письмо, из которого стало известно о надвигающемся нежелательном для нее браке!

– Все же мне кажется, что наилучшее решение – это чтобы ты опозорила себя.

– Но как это сделать, Кит? – начала рассуждать Джорджи. – Личный врач лорда Харриса придет сюда завтра утром. За такой короткий срок невозможно сделать выбор. Нам не разрешается даже наносить визиты, не говоря уже о том, чтобы посещать балы и другие светские собрания, где я могла бы найти подходящего для этого кандидата.

Казалось, ее слова несколько поубавили энтузиазм Кит, но ненадолго. Неожиданно младшая сестра выпрямилась, словно нашла какое-то решение.

– А как насчет этого бала, ну того, о котором пишет леди Финн? – спросила она, протягивая сестре последнюю страницу письма.

– Бала поклонников Киприды? – фыркнула Джорджи, беря в руки письмо.

– Вот именно, – кивнула Кит, соскочив с подоконника и кружась по комнате. – Лучше не придумай, ведь леди Финч пишет, он будет сегодня вечером. Ты можешь испортить свою репутацию за час или сколько там требуется для этого времени и вернуться, прежде чем тебя хватятся. Похоже, там соберутся все мужчины, и я уверена, что среди них найдутся такие, кто обладает богатейшим опытом в том, как испортить репутацию молодой леди.

Пока следующие пять минут Джорджи читала Кит нотацию, внушая ей, что нужно перейти все границы приличий, чтобы обсуждать подобные вещи, у нее в груди бешено колотилось сердце в предвкушении возможности, которую может предоставить самый известный лондонский бал.

Бал поклонников Киприды.

Под этим подразумевалось что-то сумасшедшее, невероятное. Леди Финч упомянула о нем, только чтобы уберечь Джорджи от неверного шага, иначе та могла кончить, как одна из тех падших женщин, которые посещали подобные скандальные места и имена которых неприлично было даже упоминать в обществе.

И все же такая судьба была единственным средством спастись от этого ужасного лорда Харриса.

На какой-то момент Джорджи попыталась обдумать про себя этот дикий план, затем так же молниеносно отмела его.

Нет, она не может так поступить. Нечего и думать об этом.

И все же...

– Ты могла бы потихоньку ускользнуть из дома, – должала убеждать ее Кит, подперев кулачком подбородок, излагая один из возможных способов выбраться из дома. – Когда кухарка уснет от мадеры, которую ukrала дяди из подвала, и захрапит, ты можешь черным ходом выйти в сад к воротам, посудомойка говорила, что они никогда не закрываются, так как дядя несколько лет назад потерял ключи и думает, что это никому не известно. – Кит закатила глаза к небу, словно говоря, что их дядя глупейший из обитателей земли. – Оттуда, – продолжала она излагать свой план, – ты выйдешь на угол парка и возьмешь наемную карету. Никто и знать не будет, что ты ушла.

– Кит! – произнесла Джорджи, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно суровее. И правда, ее не могло не шокировать, что младшая сестра с такой легкостью предложила столь продуманный план и так хорошо изучила повадки всех обитателей дома всего за три недели, которые они провели под дядиной крышей. – Откуда ты все это знаешь? Откуда тебе известны все эти подробности? У ее сестры хватило наглости принять оскорбленный вид.

– Я слушала и задавала вопросы. И если бы ты не сидела, как всегда, уткнувшись в книгу или изучая свой атлас, ты бы слышала, о чем судачат горничные. Домом управляют из рук вон плохо. Он крайне запущен. Прислуга годами явно обкрадывает дядю Финеаса и тетю Верену. – Беспечно махнув рукой, Кит отмела это утверждение. Затем она взглянула на громко тикающие старинные часы на камине. – Придется ждать до одиннадцати. Служанка говорила, что кухарке требуется три-четыре стакана горячительного, прежде чем она угомонится.

При этом Кит улыбнулась, и Джорджи не могла не почувствовать, как бунтарский дух сестры подталкивает ее к этому опасному шагу.

Испортить свою репутацию. От этой мысли у нее по телу пробежала дрожь.

Раз у нее все равно не будет лондонского сезона и вряд ли сбудутся ее мечты о любви и приключениях, она могла бы прожить хотя бы одну ночь в свете, потанцевать и броситься в объятия какого-нибудь прожигателя жизни.

Танцы. Боже, ей понадобятся бальные туфли и множество других вещей!

Джорджи взглянула на свою грубую практичную обувь и нахмурилась. На ней было скромное старомодное поплиновое платье, которое она носила почти четыре года и недавно перекрасила в черный цвет в память о миссис Тафт, которая относилась к ним как мать и заслуживала траур по себе. Джорджи понимала, что в своем нескладном, плохо покрашенном платье она вряд ли будет уместна в зале с элегантно одетыми жрицами любви. Она выглядела бы как чья-то бедная служанка, а не красотка, которой захочется овладеть.

– Мне нечего надеть, – прервала она пространный монолог сестры о том, как они смогут позаимствовать несколько монет из карманных денег тети, чтобы оплатить карету и, возможно, подкупить кого-нибудь из лакеев.

Услышав эти слова, Кит наконец замолчала, но только для того, чтобы перевести дыхание.

– Черт побери, – сказала она, возвращаясь к своему месту на подоконнике. – Жаль, что тетя Верена вдвое толще тебя. В ее гардеробе, наверное, столько вульгарных платьев, что можно одеть всех падших женщин в Лондоне. Если бы только мы были знакомы с этими леди. Я слышала, у них полно этих туалетов, хотя непонятно, почему у них они есть, а мы одеваемся в дешевый поплин и грубую шерсть.

Если бы только они были знакомы с этими леди...

Джорджи бросила оценивающий взгляд на сестру. Но у них же была такая знакомая – миссис Тафт. Их приемная мать в течение десяти лет была одной из высокооплачиваемых куртизанок, пока не встретила своего английского мужа, капитана Тафта, который скоропалительно женился на ней и вытащил из более чем непристойной жизни. Они очень любили друг друга, пока два года назад «Сибарис» не вернулся в Пензанс с ужасным известием, что капитан погиб во

время жестокого шторма.

Счастье семейной пары Тафтов выплескивалось на сестер, и муж с женой относились к ним, как к своим кровным отпрыскам, а не приемным детям и не тратили на себя ни шиллинга из денег, получаемых на содержание девочек.

И хотя миссис Тафт не знала последних модных танцев и не умела плести кружева, она обладала тонким знанием мужчин и сочла своим долгом передать это знание Джорджи.

«Об этом тебе должна была сообщить твоя мать, упокой Бог ее душу, – говорила она. – Но так как она ушла из этого мира, тебе придется довольствоваться моим опытом. Тебе не повредит знать больше, чем известно большинству девушек, так как именно в опытных женских руках мужчина становится ручным».

Но миссис Тафт не ограничивалась этим. Она, например, позволяла девочкам одеваться в ее элегантные и одновременно вызывающие платья – остатки ее сомнительного прошлого.

Хотя сейчас эти туалеты определенно вышли из моды, их шили французские портнихи, и шили безукоризненно – в них присутствовало обязательное сочетание элегантности и кокетства. Миссис Тафт не была подружкой кого-либо из завсегдатаев порта, а вела себя как леди, которой добивались многие, чье время и услуги стоили весьма дорого, и именно об этом свидетельствовали дорогие шелковые ткани и изящная вышивка ее платьев.

И любое из них подойдет Джорджи. По крайней мере на одну ночь.

– Блестящая идея, – сказала Кит.

– Да, – согласилась ее сестра, бросившись в угол комнаты.

Она отодвинула свою кровать, за ней оказался потрепанный сундук. Открыв крышку, Джорджи отбросила жалкие пожитки, и ее глазам предстали платья, которые она и не мечтала когда-нибудь надеть. Она тут же достала свое любимое – туалет из шелка, переливающегося от изумительного темно-фиолетового до оттенков голубого.

– Платья миссис Тафт! – прошептала Кит, протягивая руку, чтобы благоговейно коснуться голландских кружев на рукавах. – О, я думала, они пропали.

Джорджи пробежала пальцами по дороговому шелку и кружевам.

– Так ты пойдешь туда? – шепотом спросила Кит. Джорджи внимательно рассматривала лежащие перед ней туалеты, еще раз взвешивая свой выбор. Осмелится ли она?

Что было предпочтительнее – вести жизнь десятой леди Харрис или погубить свою репутацию?

Затем девушка вновь взглянула на полный сокровищ сундук. Все сошлось, чтобы соблазнить ее, – платья, откровения миссис Тафт о мужчинах и безукоризненный план Кит, будто наконец судьба приказала ей взять свою жизнь в собственные руки.

Джорджи кивнула, словно соглашаясь с этим, и критически осмотрела переливающееся платье.

– Примерь его, – попросила Кит. – Думаю, оно даже тебя сделает хорошенькой.

Джорджи не обиделась на прямолинейную оценку и внешности, и очарования сестрой. Прежде всего она отличалась высоким ростом и возвышалась над большинством мужчин. Такой рост, крепкое телосложение, резкие манеры не соответствовали нынешним вкусам, согласно которым в моде были тихие, миниатюрные леди.

Глядя на очаровательное платье, Джорджи решила, что его цвет будет ей к лицу. И хотя ее волосы отличались неопределенным медовым оттенком, а кожа была обласкана солнечными лучами, платье сразу бросалось в глаза, и уже оно одно могло привлечь к ней внимание мужчин.

Она надеялась, что найдет того, кто будет ей по росту и пригласит ее на танец, прежде чем увлечь в постель...

Джорджи усмехнулась, решив, что меньше всего нужно сейчас волноваться из-за неловкости в танцах.

Кит продолжала рыться в сундуке.

– Прежде чем ты наденешь платье, тебе понадобится это. – Она вытащила льняной корсет с пожелтевшей от времени шнуровкой.

Джорджи состроила гримасу, поняв, что не справится с платьем миссис Тафт без посторонней помощи.

Затягивая шнуровку, девушка обнаружила, что это оригинальное нижнее белье вовсе не было пыткой для английских леди, а создавалось для их удобства – с мягкой хлопковой подкладкой, без всякого намека на китовый ус.

Кит поймала концы шнурков и затянула их на спине сестры.

– Не слишком туго?

Джорджи покачала головой, удивляясь своему превращению. Четко обозначилась талия, и корсет сотворил подлинное чудо с ее грудью. У нее действительно была прекрасная фигура.

Кит привстала на цыпочки и накинула платье на голову Джорджи. Когда шелк с мягким шелестом обхватил ее фигуру, младшая сестра тихо ахнула.

– Что случилось? – спросила Джорджи.

– Иди к зеркалу и посмотри на себя. – Кит показала рукой на длинное узкое зеркало в углу комнаты. – Ты настоящая принцесса.

Низкий вырез платья открывал грудь ровно настолько, чтобы вызвать у мужчины желание подойти поближе. Рукава были из тончайшего шелка, вызывающе короткие, обнажающие девичьи руки. Ансамбль дополняли изящные кружевные перчатки.

Широкая атласная лента опоясывала талию и завязывалась на спине большим бантом, концы которого почти достигали земли и словно молили, чтобы бант поскорее развязали. Юбка ниспадала широким кругом, подол с богатой вышивкой покачивался при ходьбе, намекая на изящные лодыжки и одетые в шелковые чулки ноги.

Несомненно, это платье было создано для того, чтобы привлекать мужские взгляды.

– Нужно еще кое-что, – сказала Джорджи, возвращаясь к сундуку и начиная вновь рыться в нем, что-то бормоча себе под нос и разбрасывая его содержимое вокруг себя.

Она вспомнила про туфли. Но где же они? Наконец она выудила их – белые, атласные, с прекрасной вышивкой, повторяющей рисунок на подоле платья. Джорджи надела их, но, к своему огорчению, чувствовала себя крайне неуверенно.

– Ты не сможешь в них ходить, Джорджи, – сказала Кит, разглядывая высоченные каблуки. – Ты споткнешься и сломаешь себе шею, как только начнешь спускаться по ступенькам.

Джорджи сокрушенно посмотрела на сестру. Замечание Кит было справедливо, да и она сама прекрасно сознавала, что ей далеко до грациозной красавицы. Но она твердо решила отправиться именно в этих туфлях, поскольку никогда не видела более прекрасной вещи. Она достала пару носовых платков и запихала их в носки туфель, чтобы ногам было удобнее.

Когда старшая сестра надела туфли вновь и, дрожа от отчаяния и пошатываясь, встала на каблуки, у Кит перехватило дыхание.

Взглянув на себя в зеркало, Джорджи глубоко вздохнула, поняв, что процесс превращения Золушки закончился, нужно только попасть на бал и осуществить задуманное.

– Теперь надо что-то сделать с твоими волосами, – сказала Кит и радостно принялась за работу, предлагая различные варианты причесок и помогая завершить перевоплощение Джорджи.

Через час сестры осуществили первую часть своего замысла, затем осторожно пробрались через темный дом к двери кухни.

– Отправляйся наверх и запри за собой дверь нашей комнаты, – приказала Джорджи сестре. – Не впускай никого, если только в этом не будет крайней необходимости. – Хотя никто никогда не приходил, чтобы проведать их в спальне.

Кит понимающе кивнула, затем с тревогой взгляделась в ночь.

– Джорджи, ты знаешь, что это такое – испортить свою репутацию? – Неожиданно ее сестра-всезнайка заговорила как невинный тринадцатилетний подросток, каковым она и была.

Щеки Джорджи вспыхнули, несмотря на прохладный ночной воздух, и она была рада, что могла скрыть в темноте свое смущение.

– Думаю, да, Кит. Во всяком случае, достаточно для того, чтобы освободиться от этого лорда Харриса.

Глава 2

– Я не выйду за вас замуж, лорд Данверс. Ни сейчас, ни в будущем. – Леди Диана Фордем, уважаемая и благороднейшая дочь графа Ламдена, топнула изящной ножкой с решимостью хозяйки гостиницы, избавляющейся от пары буйных постояльцев. Она указала на дверь: – Теперь, если вы и ваш кузен будете так любезны, чтобы удалиться...

Колин, барон Данверс, бывший капитан Данверс королевского флота его величества, не сводил глаз с рассвирепевшей девушки. Куда девалась милая, любезная молодая леди, за которой он ухаживал и которой сделал предложение?

Граф Ламден стоял позади дочери, и его обычно приветливое лицо было насуплено. Хотя и ему предстояло сказать свое слово, тон торговли рыбой, который выбрала его сладкоголосая дочь, давая отставку Колину, покорила даже его.

– Я уже сказала, милорд, что вы должны удалиться, – гневно повторила она. – Я ни за что не стану вашей женой! – Она вытянула руку с кольцом на пальце, подаренным им три года назад вместе с его миниатюрой, выполненной по ее просьбе. – Я хочу вернуть вам это, – сказала она ему. – Не желаю, чтобы что-то напоминало мне о вас. Не желаю!

Стоящий позади капитана маркиз Темплтон, которого он взял для поддержки, издал низкий и крайне неподобающий свист.

Диана бросила негодующий взгляд в его сторону.

Темпл мог быть весьма сдержанным, однако Колин, достаточно хорошо зная его, прекрасно представлял, о чем думал его по природе необузданный кузен и как долго он сможет держать это при себе.

– Лорд Данверс, почему вы решили, что я по-прежнему хочу выйти за вас замуж? – Леди дрожала от гнева, и ленты на ее безупречном модном платье трепетали, как стайка бабочек. – Мой отец выбрал вас, потому что вы были джентльменом, уважаемым человеком. А теперь я вижу, что мы были обмануты, бесстыдно обмануты. Если вы думаете, что я разделю ваше бесчестие, вы жестоко ошибаетесь. – Она отвернулась и приложила носовой платок к своему точеному носику.

Граф Ламден обнял дочь за плечи и посмотрел на Данверса поверх ее белокурой головки.

– Леди Диана, лорд Ламден, произошла ошибка, – начал Колин. – Поверьте, это не...

– Поверить?! – гневно произнес Ламден, и его бачки задрожали. – Я не доверяю подлецам и мерзавцам. Особенно если они к тому же и трусы. А вы проявили себя трусом. И не пытайтесь отрицать это. Газеты все детально описали.

Диана бросила страдальческий взгляд на своего бывшего жениха, и сердитое выражение залитого слезами лица, казалось, говорило, что она полностью согласна с мнением отца.

Колин глубоко вздохнул. Определенно, Ламден и его дочь не поверили ему... И их разъяренные лица открыто говорили, о чем они думали. Они приняли, словно изречения из Библии, каждое из выдвинутых против него обвинений в предательстве.

– Милорд, если вы примете во внимание мои семейные связи, мой послужной список в Адмиралтействе и мои честные намерения в отношении вашей дочери... – он поклонился, протягивая руку в сторону леди Дианы, – тогда вы поймете, что мы можем пожениться, как и планировалось.

Она сжалась и уклонилась от его протянутой руки, как от чумы.

– Хм, – фыркнул лорд Ламден, вставая перед дочерью и словно защищая ее от Колина. – Выдать ее за вас замуж? Я скорее предпочту, чтобы она вышла замуж за вашего беспутного кузена. Не примите это за обиду, Темплтон.

– Я не обижаюсь, сэра, – откликнулся Темпл. – Но я, право, не понимаю, почему вы делаете из мухи слона. Конечно, у Данверса неприятности, но, я уверен, он легко может объяснить, почему проявил себя трусом.

– Неприятности? – взорвался Ламден. – Вы пьяный идиот, Темпл. Неприятности? Ваш кузен ведет себя так, будто за ним числится всего-навсего несколько карточных долгов. Он ничуть не лучше своего пройдохи-отца. Мне не следовало слушать уверения вашего деда, что в нем не течет дурная кровь Данверсов. Ваш кузен предал родину и короля. Он обесчестил себя, вашу семью и, что хуже всего, этот дом.

При этих словах леди Диана снова всхлипнула, хотя на ее лице и не было выражения оскорбленной невинности, приписываемой ей отцом. Воинственный дух в ее глазах говорил, что она глубоко разочарована тем, что Адмиралтейство не сочло уместным вздернуть Колина на ближайшей рее.

Боже, разъяренная крошка, казалось, готова была затянуть петлю у него на шею своими изящными ручками.

– А теперь попрошу удалиться, иначе я прикажу слугам вывести вас, – потребовал взбешенный хозяин, указывая на массивную дубовую дверь, которую предупредительно открыл престарелый дворецкий Ламдена.

– Да, это было бы очень забавно, – вполголоса заметил Темпл. На него посмотрели оба – Колин и Ламден, однако это не укротило его веселости.

– Ты возражаешь? – Колин взглянул через плечо на своего кузена.

Темпл усмехнулся, на этот раз глядя на Диану:

– Нет, конечно, нет.

Леди Диана нахмурилась в ответ, затем вновь взглянула на своего бывшего жениха.

Я не желаю больше выслушивать вашу ложь. Всего хорошего и скатертью дорога.

Она повернулась, чтобы уйти, затем оглянулась и приблизилась к Колину. Протянув руку, она вложила в его руку обручальное кольцо с изумрудом и жемчугом вместе с его миниатюрным портретом. Не проронив больше ни слова, она круто повернулась и начала подниматься по ступенькам вверх.

– Убирайтесь, Данверс, – угрожающе произнес Ламден с явным шотландским акцентом, – иначе я вышвырну вас вон. Адмиралтейство может бояться высоких связей вашего деда, но я и слезинки не пролью над вашей могилой. Имя Ламденов такое же древнее, как и Сечфилдов, даже, осмелюсь заметить, древнее, и не пристало трусливым собакам пачкать его.

Колин вздрогнул. Его никогда не называли трусом, но он сам создал эту ситуацию и вряд ли мог признать Ламдена к ответу за оскорбление, которое многие посчитали бы заслуженным.

Поэтому, вместо того чтобы потребовать сатисфакции, он низко поклонился престарелому джентльмену и сказал:

– Мои извинения, сэр. Я не собирался порочить ваше доброе имя. Пожалуйста, передайте леди Диане, что я глубоко сожалею о случившемся. – Он помедлил, глядя на ступени лестницы, по которым упорхнула его бывшая невеста. – Разумеется, когда она сможет спокойно вас выслушать.

– Да, после дождика в четверг, – фыркнул Ламден. Темпл также поклонился, на что Ламден фыркнул еще раз и сделал нетерпеливый жест рукой, указывая им на дверь. Колину и Темплу лишь оставалось взять свои плащи и шляпы у дворецкого и удалиться.

Они не прошли и полпути по лестнице, ведущей на улицу, когда Темпл заметил:

– Черт, упустили богатую невесту.

Колин сердито взглянул на кузена. Он собирался жениться на леди Диане не из-за ее приданого: вопреки тому, что писали в газетах, о чем сплетничали в лондонских гостиных, и вопреки заявлению Адмиралтейства у него оставалось достаточно денег.

Только Темпл, вечно нуждавшийся в средствах, несмотря на то что был наследником их деда, герцога Сечфилда, мог думать прежде всего о состоянии Дианы.

– Почему бы тебе самому не жениться на ней? – предложил он кузену.

– Жениться на Диане? – засмеялся Темпл, и в его смехе Колин уловил слишком много иронии. – Дедушка был бы в восторге, но ты же слышал Ламдена, старик никогда не пойдет на это. Он определенно не позволит своей драгоценной дочери выйти за человека, который проводит большую часть времени, охотясь в Шотландии или посещая всевозможные вечеринки.

– Так почему бы тебе не сказать ему правду? Ты мог бы рассказать, чем действительно занимаешься, когда отправляешься охотиться в Шотландию.

Темпл иронично приподнял одну бровь:

– А почему же ты не рассказал ему, что задумал с этим сфабрикованным трибуналом? Как ты никогда не подчинишься прямому приказу покинуть поле боя, так и меня невозможно поймать слоняющимся по холодным шотландским болотам и выслеживающим какую-нибудь чертову дичь. – Он замолчал и указал рукой на закрытую и, возможно, запертую изнутри на засов дверь городского дома Ламдена. – Иди и расскажи ему всю правду. И когда ты покончишь с этим, может быть, согласишься просветить и меня?

Колин не был удивлен, что его кузен раскусил обман Нельсона. Если кто и знал, как обмануть высший свет, так это Темпл. И хотя он понимал, что мог целиком и полностью довериться кузену, Колин вынужден был хранить молчание об этом деле.

Слишком многое было поставлено на карту.

– Я так и думал, – сказал Темпл, кивнув в знак понимания. Он оглянулся через плечо на четырехэтажный особняк с колоннами, принадлежавший Ламдену. – И все же жаль, что никто из нас двоих не получит ее. Диана – редкий алмаз.

Темпл сошел с тротуара и жестом поманил своего кучера Элтона, который ждал хозяина у конюшни. Колин помедлил и тоже оглянулся на дом, все еще шокированный поспешным отказом своей невесты. Но, к своему удивлению, он увидел, что леди Диана смотрит из окна в их сторону и в ее глазах пылает страсть, которой он никогда раньше не видел на ее лице. Она вовсе не выглядела так, словно ее сердце было разбито. Но... ее взор был прикован не к нему. Она сверлила взглядом облаченную во фрак винного цвета спину его кузена.

Колин проглотил то, что осталось от его гордости. Да, Диана никогда не любила его.

Осознание этого причиняло большую, чем он ожидал, боль и в то же время все проясняло. Легкость, с которой она все эти годы откладывала их свадьбу. Ее страстный сегодняшний отказ выйти за него замуж.

То, что он предстал перед трибуналом, было просто предлогом. Она кричала на него лишь потому, что не любила.

Он и сам не мог понять, почему ему вдруг захотелось, чтобы она испытывала к нему ответное чувство. Дело было не в том, что он любил ее. Но, став свидетелем страстности Дианы, ее способности гореть невиданным огнем, он понял, что такая жена будет любить своего мужа. И точно так же мужчина должен любить свою избранницу. Безоговорочно и безраздельно.

– Ты собираешься стоять здесь, как брошенный щенок, всю ночь? – поинтересовался Темпл. – Сначала – трибунал, затем половина дня, потраченная на то, чтобы получить специальную лицензию на брак, которую твоя невеста так мило бросила тебе в лицо. Пойдем-ка со мной, я не могу допустить, чтобы твой день окончился полным крахом.

Колин посмотрел на своего ухмыляющегося кузена и вздохнул. Только Темпл мог недооценивать такой ужасный поворот событий. Решив больше не смотреть на окно леди Дианы, Колин сел в экипаж, и они тронулись в путь.

Темпл откинулся на кожаную спинку сиденья.

– Что мы за нытики! Разодеты в пух и прах и не имеем ни малейшего представления, куда податься сегодня вечером. – Он поиграл своим элегантно завязанным галстуком, все время поглядывая в окно кареты. – Подожди-ка... Помнится, сегодня ночью что-то должно произойти. Но что?

– И не старайся вспомнить, – произнес Колин. – Я не в настроении участвовать в твоих кутежах.

Темпл выпрямился:

– Кутеж! Именно это. Лучший путь исцелить твое разбитое сердце.

Колин покачал головой:

– Не скажу, что я страдаю от этого.

– Не пытайся обмануть меня. Ты всегда воспринимаешь все слишком серьезно, – упрекнул его Темпл. – Насколько я тебя знаю, у тебя все распланировано на двадцать лет вперед. Диана через год произведет на свет наследника и

в будущем еще пару запасных. Когда ты уйдешь в море, она будет спокойно жить в том поместье в Девоншире, которое оставил тебе отец. А когда наконец тебе надоест воевать с французами и приестся рисовый паек, ты вернешься домой, станешь лордом и степенным хозяином, не думая ни о любви, ни о страсти, ни о развлечениях.

– Развлечения? – повторил Колин. – Кто сказал, что брак – это развлечение?

– Черт побери, он именно таким и будет, если это означает остепениться и все такое прочее, – проворчал Темпл. – Я должен сообщить тебе, что брак – дело долга и чести. – По крайней мере он думал так еще несколько минут назад, когда увидел страстные и тоскующие глаза Дианы.

Теперь он уже не был так уверен.

– Ну поступай, как знаешь, – сказал Темпл, вновь откинувшись на сиденье и скрестив перед собой ноги. – Да, так как ты сегодня вечером в буквальном смысле слова освободился от помолвки, самое время начать все сначала. Можно посетить одно восхитительное собрание. Пусть это будет для тебя первым уроком безнравственности. – Он хихикнул, а Колин с трудом удержался от стога. – Если тебе нужно оставаться негодяем, а я предполагаю, что именно поэтому тебя не вздернули на рее и не выбросили за борт или, как там говорится у вас, моряков, ты по крайней мере можешь поучиться у профессионала.

Темпл постучал в крышу кареты, чтобы привлечь внимание кучера. Указав Элтону, в каком направлении двигаться, он вновь сел на место.

Колин покачал головой:

– Сегодня у меня нет настроения пить и играть. Я могу использовать это время с большей пользой, у меня полно дел.

– Полно дел? – Темпл не сводил с него глаз. – Так скоро? Ты, случайно, не имеешь в виду новый корабль?

Глядя в окно, Колин старался не обращать внимания на настойчивые расспросы кузена. А тот беззастенчиво продолжал:

– Подумать только, как быстро ты подыскал себе место! Неужели найдется кто-то, кто возьмет тебя на корабль капитаном?

– Попридержи язык, – предупредил его Колин, – и уволь меня от своих предположений. Так будет лучше для всех.

– Да, должно быть, это что-то неотложное, – развлекался Темпл, и на его губах играла насмешка, – если ты так скоро сбегаешь из города. Смеею предположить, что это случится уже утром. И имей в виду, это только мои предположения.

Колин бросил на него раздраженный взгляд. Он действительно намеревался отплыть через два дня ранним утром, но не собирался сообщать об этом кузену.

– Ты ведь не откажешься выпить по стаканчику, – произнес Темпл тем же вкрадчивым голосом, к которому он прибегал, когда они были детьми и кузен придумывал новую шалость. – К тому же тебе никогда не стать подонком, если ты продолжишь жить, руководствуясь только понятиями долга и чести. А ведь тебе хочется, чтобы тебя воспринимали именно таким?

– Надеюсь, ты не собираешься превратить меня в негодяя, а? – проворчал Колин.

– Нет, – усмехнулся его кузен, – но я считаю своим священным долгом ввести тебя в новую жизнь. Поначалу предлагаю выпить по маленькой. А тост – за твои безымянные рискованные начинания.

Колин хорошо знал, что выпить по маленькой с Темплом означало напраситься на неприятности. И в то же время почти целый день он был по уши в неприятностях. Одной больше – что из этого?

Кроме того, Темпл прав: он почти не знал жизни вне света. Строгие правила морского распорядка, по которым он жил с тринадцатилетнего возраста, когда начал плавание как гардемарин, больше не касались его.

Ему предстояло сделать то, что от него требовалось: убедить весь мир, что он – подлец и предатель, каковым его и признало Адмиралтейство.

Он поднял вверх указательный палец:

– Только по одной.

– Вот молодец! – воскликнул его кузен. – У меня грандиозные планы на сегодняшний вечер.

Колин был готов застонать. С Темплом все так всегда начиналось, а затем ситуация выходила из-под контроля. Вполне вероятно, что он проснется лишь через пару недель и обнаружит, что оказался в Ирландии без кошелька, совершенно не помня, как провел эти последние четырнадцать дней. Свидетелем происшедшего была бы лишь пульсирующая головная боль.

Однако было одно обстоятельство, способное умерить энтузиазм и нарушить планы Темпла.

– Вспомни, как меня принимали у Ламдена, – напомнил он, – сомневаюсь, что получу более приветливый прием в твоём клубе.

Темпл широко улыбнулся.

– Как будто я не знаю! Забудь об «Уайтсе». Я имею в виду кое-что получше. Ты когда-нибудь слышал о бале поклонников Киприды? – Когда Колин отрицательно покачал головой, его кузен улыбнулся еще шире: – Я так и думал. Ты слишком много времени проводил в море, вместо того чтобы развлекаться здесь, в городе. Бал Киприды – как раз то место, где чинят разбитые сердца.

Колин не собирался обсуждать состояние своего сердца, тем более что его с трудом можно было назвать разбитым.

На самом деле леди Диана оказала ему любезность, отвергнув его. Она освободила его от всяких пут. Точно так же, как и адмирал Нельсон, выбросив его из флота.

Вместо того чтобы признать, это, он переспросил:

– Ты говоришь – бал? Но у меня нет настроения ни танцевать, ни развлекать дебютанток в свете.

– А кто говорит о танцах? – ответил Темпл, от души рассмеявшись.

Колину давно бы следовало знать, что собрания и балы, рекомендованные его беспутным кузеном, будут лишены респектабельности. Бал поклонников Киприды не был исключением.

Огромный зал был заполнен самыми высокооплачиваемыми куртизанками и дамами сомнительной репутации. И среди этих дам полусвета весело кружили самые похотливые мужчины, сливки высшего общества, старательно ищущие новых приключений. Если и существовало место, где можно было снискать репутацию прохвоста и пройдохи, это было самым подходящим, так же как и собравшаяся здесь компания.

Принимая во внимание скандальную известность этого бала и бесславную репутацию большинства дам, мало что могло удивить собравшихся гостей. Однако когда в зал вошел Колин, воцарилась гробовая тишина.

К тому моменту, когда к нему приблизился Темпл, все глаза устремились в их направлении, и волна шепота начала переходить в приглушенный рокот.

– Судим трибуналом.

– Очень богатый... по крайней мере до этого.

– Его следовало бы вздернуть на виселице перед Адмиралтейством...

– Проклятый трус. Не верю глазам своим. Чтобы появиться на публике...

Колин пропустил мимо ушей все замечания. Получив соответствующий прием от леди Дианы, он не мог ожидать ничего другого. Большинство собравшихся мужчин, особенно те, что были в военной форме, изобразили на лице презрение. Большинство же дам рассматривали его с явным интересом. Его более чем привлекательное финансовое положение занимало их гораздо больше его положения в обществе.

– Посмотри, – сказал Темпл, указывая рукой на группки дам, словно те были его старыми друзьями. Наконец дама далеко не первой молодости помахала ему в

ответ. – Здесь есть те, кто не слышал о твоём бесчестье. Или о твоём безденежье.

– Темпл, не думаю, что... – Колин повернулся, чтобы уйти, но его кузен положил ему руку на плечо.

– Нет-нет, я не отпущу тебя, – сказал он. – Ты же дал обещание выпить со мной по одной. Хочу, чтобы ты сдержал слово.

Колин посмотрел на зал, который был заполнен куртизанками и их поклонниками. В дальнем углу виднелся столик с какими-то напитками.

– Думаю, сюда приходят не для того, чтобы выпить. Кроме того, пройдет не меньше часа, прежде чем мы доберемся до наших стаканов.

– Так ты это заметил? – спросил Темпл, поднося к глазам лорнет и стараясь оценить ситуацию. – Согласись, это превосходное место, чтобы выпить. По пути к стакану самого слабого пунша ты можешь увидеть девушку, которую полюбишь с первого взгляда.

– Не смей меня, – ответил Колин. – Не забывай, что мне нужна жена. Хорошо воспитанная, благоразумная леди, а не эти пташки высокого полета.

– Если тебе нужна именно такая жена, ты прежде всего должен был отвести леди Диану, – рассуждал Темпл. – Что за манеры! Я всегда подозревал, что под её ангельской внешностью скрывается подлинная мегера. Нет никого менее подходящего для тебя.

Не обращая внимания на слова кузена, Колин продолжил:

– Когда ты получишь дедушкин титул, ты поймешь, что значит обязательства перед семьей, и осознаешь необходимость женитьбы.

Темпл взглянул на него с долей скептицизма, словно эта мрачная ответственность никогда не ляжет на его плечи.

Но Колину все это было хорошо известно – с того времени, когда год назад его отец попал под колеса кареты, оставив ему титул барона со всеми вытекающими правами и обязанностями.

И хотя младший брат Роберт был его прямым наследником, он оставался безответственным молодым повесой и вряд ли справился бы с управлением владениями Данверсов и прочими обязанностями. Роберт пошел в армию по той простой причине, что во всей Англии не осталось ни одной школы или университета, которые приняли бы его в свои стены. Он проявил себя любителем пиротехники, взорвав часть дома декана в его альма-матер. Кроме того, произошел инцидент и в предпоследней школе, где дело касалось памятника Оливеру Кромвелю и маленькой пушки.

К сожалению, его единокровные братья Орландо и Рейфел, близнецы от второго брака отца с дочерью испанского гранда, были ничуть не лучше. На фоне номеров, которые откалывал Рейфел, проделки Роберта выглядели дилетантскими. К счастью, Колину удалось обеспечить два места в закрытой школе, в которую близнецов готовы были принять при условии, что они не разделяют хорошо известный интерес Роберта к взрывчатым веществам.

Колину была необходима жена – нежная, кроткая леди, которая помогла бы ему воспитывать братьев и добавила чести их фамилии, которой той давно недоставало.

Имя его отца уважали в дипломатических кругах, где предыдущий лорд Данверс в течение сорока лет служил интересам Великобритании. Однако в свете его всегда считали несколько странным – за дальние путешествия, вторую жену-испанку – и не ставили высоко.

Колин надеялся, что женитьба на разумной и уважаемой леди Диане принесет ему то, чего никто из Данверсов не мог достичь, – нормальную семейную жизнь.

Отец сбежал с его матерью, леди Сьюзен Девин, дочерью герцога Сечфилда. Скандалы сопровождали их брак с момента заключения его в Гретна-Грин до того, как четырнадцать лет спустя яркая и независимая Сюзанна умерла от лихорадки после рождения дочери. Бедная новорожденная последовала за матерью в холодную могилу в Вестфалии, где жило семейство Данверсов и где отец собирал информацию для министерства иностранных дел.

Но определенно Колин не собирался следовать по стопам отца, исколесившего весь земной шар в охоте за шпионами. Он был иным по натуре.

По крайней мере он так думал до того момента, как полгода назад в канун Нового года был приглашен на торжественный обед с адмиралом Нельсоном и его окружением. Во время празднования произносились тосты за успехи и новые победы в грядущем году, затем адмирал отвел Колина в сторону и сообщил, что среди высшего морского офицерства завелась гадюка.

Именно тогда Нельсон попросил Колина расстаться с военной формой, забыть морские правила и кодекс чести и стать чем-то вроде изгоя.

Лишенный чести Колин, как полагал адмирал Нельсон, сможет найти предателя, внедрившегося в ближайшее окружение адмирала, человека, продающего Франции их военные секреты и подрывающего британское господство на море.

Кто может оказаться наилучшим партнером, чем озлобившийся человек, без связей и предположительно лишившийся значительного состояния?

Они надеялись привлечь предателя, используя Колина как возможного сообщника, который прекрасно знает флот изнутри и, вероятнее всего, клюнет на французское золото, перестав быть преданным и лояльным офицером флота его величества. И хотя Колин добровольно согласился на последовавшее бесчестие, он не предвидел что новое положение положит конец его добрым отношениям с друзьями, семьей... с невестой. Если он и сожалел об утрате леди Дианы, это скорее относилось к причиненным ей неприятностям. Он лишь надеялся, что их разорванная помолвка не будет помехой ее будущему счастью.

– Итак, – произнес Темпл, – наблюдай и учись у профессионала, что значит быть отпетым негодяем.

Кузен устремился вперед, лавируя в людном зале в поисках знакомых дам, а Колин ясно понял, что это сборище не для него.

Прагматизм взял верх – ведь он собирался отплыть через пару дней, а значит, предстояло снабдить корабль продовольствием, заплатить экипажу и заняться многими другими, не менее важными делами. Ему было не до того, чтобы присматривать себе любовницу. Кроме того, оставалось несколько часов до

наступления ночи, так что он сможет просмотреть бумаги, которые ему пришлет Нельсон.

Когда он повернулся, чтобы ускользнуть с бала, прежде чем Темпл вернется с парой очаровательных красоток, висящих у него на руках, он неожиданно столкнулся лицом к лицу с высокой девицей, затянутой в лиловый шелк. Пытаясь сохранить равновесие, одну руку он случайно прижал к ее груди, а другой ухватился за пышное бедро.

– Отпустите меня, болван! – приказала она, а ее каблук впился в его начищенный ботинок, причем Колин не мог с уверенностью сказать, было это по ошибке или же намеренно.

Скрипнув зубами от боли, он высвободил ногу, чтобы не получить серьезное увечье, и встал на мраморный пол, чувствуя себя словно на вздымающейся палубе. Но леди все еще неуверенно стояла на ногах на ступенях лестницы, поэтому он заключил ее в объятия, чтобы не дать ей скатиться вниз грудой шелка.

Несколько секунд она дрожала, пока не замерла в его руках.

Все годы, когда Колин был помолвлен с леди Дианой, он лишь осмеливался поцеловать ее руку в безупречной перчатке, сейчас же за те несколько секунд, что он держал эту леди, он чувствовал себя так, будто давно был близок с ней. Она прильнула к нему, он ощущал ее пышный бюст у своей груди, а ее гибкие ноги обвились вокруг него так, словно они были любовниками.

Когда лиловый шелк и кружева наконец перестали трепетать, он посмотрел вниз, ожидая увидеть блестящую даму полусвета, однако, к своему изумлению, обнаружил, что держит в объятиях самую невероятную Киприду, которую ему когда-либо доводилось встретить.

Вместо безукоризненно уложенных волос и множества фальшивых бриллиантов, которые ассоциируются с леди такой профессии, ее волосы цвета меда были собраны на макушке и падали завитками из-под простеньких заколок из панциря черепахи. На ее лице не было ни следа румян или белил, какими пользовались падшие голубки, – щеки горели румянцем от смущения.

Да, ее платье явно принадлежало женщине легкого поведения – вырез слишком глубокий, чтобы признать его пристойным, а подол – слишком высок, чтобы казаться скромным. Кружева и шелк дразняще намекали на то, что было скрыто под ними, – длинные руки и ноги, нежная ароматная кожа и столь откровенные изгибы тела, которые ни одна леди высшего света не осмелилась бы показать на публике.

Но особенно отличало ее от окружающих дам то, что избалованные кошечки вокруг двигались с чувственной точностью и рассчитанной манерностью, эта же леди была грациозна и очаровательна, как дикая кошка в кружевах.

Одной рукой она убрала с лица спутанные волосы, а другой отнюдь не элегантно взбила прическу, пытаясь привести в порядок непослушные кудри.

Когда она наконец отбросила волосы со лба, он увидел ее глаза и сквозь них – он мог поклясться! – всю ее душу.

Это были самые честные карие глаза, которые ему доводилось видеть, широко распахнутые и глубокие, как ночь. Казалось, они хранили какую-то тайну и внешность, которой, но крайней мере так казалось, уже давно не существовало в среде пресыщенного высшего света.

Невинность?

Что это ему вдруг пришло в голову? Встретить невинную девушку на подобном собрании – все равно что увидеть здесь леди Диану.

– С вами все в порядке, сэр? – спросила она, пытаясь освободиться из его объятий.

И только тогда он сообразил, что все еще держит ее... хотя и не возражал против такой близости.

Когда их тела соприкоснулись, ее духи словно окутали их обоим нежным и тонким ароматом цветов. Фиалки, подумал он. Это не был обычный густой приторный запах одеколона или ландышей, который так любили лондонские

дамы полусвета.

Аромат манил приблизиться и глубоко вдохнуть его свежий дар.

Возможно, именно поэтому он не отодвинул с дороги эту птичку и не покинул бал. Впрочем, Колин подозревал, что этому скорее была виной его нерешительность, нежели ее соблазнительные духи. К тому же в тот момент, когда он смотрел в ее бесхитростные глаза, что-то ожило в его душе. Как легкий ветерок, это что-то всколыхнуло все его чувства, шепча и подталкивая воспользоваться редкой возможностью, открывшейся ему, словно только что обнаруженный старинный испанский клад.

Колин несколько раз испытывал подобное чувство, большей частью в море во время боя, когда он, обнаружив уязвимое место противника, ломал боевые ряды, чтобы собственными руками поймать волшебную жар-птицу.

Это было опрометчивое, опасное искушение, но Колин знал по опыту: оно не разочарует его, если он уступит призыву сирены.

Нужно только довериться этому тихому зову и отказаться от привычной осторожности и условностей. Сейчас, когда по непонятной причине инстинкт подталкивал его к странной соблазнительной молодой женщине, которую он держал в объятиях, ему пришло на ум предсказание Темпла. Какая-то чушь о том, что он встретит женщину, в которую влюбится с первого взгляда.

«Что за чепуха, – сказал он себе. – Это в высшей степени смешно».

Очевидно, устав ждать, пока он отпустит ее, невольная пленница Колина освободилась сама с большей силой, чем можно было ожидать от леди. Одной рукой оправляя платье, она вздохнула по поводу его состояния, затем расправила кружевную шаль на обнаженных плечах.

– Я не ушибла вас? – спросила она, тряхнув головой совсем не так, как это сделала бы леди, и ее волосы в беспорядке рассыпались. – Извините, сэр. Боюсь, эти туфли меня доконают. Или кого-то еще.

Она выставила ногу, открывая взгляду Колина туфельку на высоком каблуке и икру, затянутую в шелковый чулок. Взглянув на след, оставленный ее каблуком на его ботинке, она покраснела еще сильнее:

– Я не проткнула вашу ногу?

Колин засмеялся, несмотря на то что пальцы на ноге почти онемели.

– Нет. Думаю, недели через две я поправлюсь. Однако трудно поверить, что такие очаровательные туфельки могут быть столь коварны.

Она в свою очередь тоже рассмеялась, но несколько принужденно. Он подозревал, что она сделала это только из любезности в ответ на его неудачную попытку пошутить.

Более того, он вдруг попытался представить, как зазвучит ее смех, когда будет искренним и свободным. Скорее всего, смех этой леди будет радостным и заразительным.

Неизвестно почему, ему пришло в голову, что она давно не смеялась. Не смеялась радостно и заразительно.

– Я хотел сказать... – начал он, пытаясь представить, какую шутку придумал бы Темпл, чтобы привлечь внимание леди, и тут же подумал, почему он так старается. – Я хотел сказать, что, похоже, смертельно ранена не моя нога, а мое сердце.

Услышав столь образный комплимент, она засмеялась, на этот раз довольно сурово.

– И вы находите это смешным? – спросил он, немного уязвленный тем, что его галантность стала источником смеха.

Девушка поднесла руку к губам, стараясь сдержать смех. Затем подняла глаза и без всякого стеснения уставилась на него, словно увидела впервые и взвешивала все за и против, чтобы принять решение.

Он, очевидно, не подходил ей, потому что она снова вздохнула, а ее взгляд из-под густых темных ресниц переместился с его лица на переполненный зал, высматривая кого-то.

Кого-то еще.

Колину не понравилось, что она не очень-то высоко его оценила. И кто бы мог подумать, его это уязвило больше, чем он готов был признать.

Что, дьявол побери, с ним происходит? Всего час назад ему отказала невеста, а его гораздо сильнее уязвило то, что им не заинтересовалась эта странная юная леди.

Он оглядел зал, пытаясь проследить за ее взглядом, но разноликая толпа не дала никакого ответа.

– Вы кого-то ищете?

– Да. Точнее, какого-нибудь мерзавца, – сказала она, и Колин буквально замер с раскрытым ртом.

– Кого? – пробормотал он.

– Мерзавца. Точнее, волокиту. Завсегдатая подобных увеселений.

В этом зале так можно было назвать любого мужчину, кроме него, подумал Колин.

– Кого-нибудь конкретно?

– Нет, – откликнулась она. – Подойдет любой волокита. Лишь бы он был аморальным и опытным. Ну, мне пора, у меня мало времени. – Она направилась к лестнице, затем остановилась, глядя на него через плечо. – У вас нет подходящей кандидатуры?

Он давно уже не бывал в Лондоне, но не помнил, чтобы леди полусвета были столь откровенны. А эта девчонка, похоже, не теряла ни минуты.

– Честно говоря, меня самого причисляют к этому кругу, – заявил он, пытаясь припомнить слова Темпла. Тот пользовался скандальной известностью в высшем свете.

«Может сказать, что я сам перешел все границы приличного, что я – жуткий пройдоха», – раздумывал Колин, сердито глядя на нее. Ну нет, это будет чересчур.

Она поджала губки и критически оглядела его:

– Вы уверены? На мой взгляд, вы выглядите слишком благородным и порядочным для того, что я задумала.

Вот уж воистину благородный! Непонятно только, почему она была ужасно разочарована этим открытием.

– Позвольте заверить вас, – сказал он, вспоминая, как именно определила его характер разъяренная леди Диана, – что я известен тем, что во мне нет ни капли порядочности.

Она словно по-новому оценила его, и на этот раз у нее на лице появилась примирительная улыбка.

Казалось, ее скептицизм говорил: ну что же, если вам так угодно.

– Вы ведь собирались покинуть бал? – Она скорее предположила, чем задала вопрос.

– Нет, – солгал он. – Я тоже кое-кого ждал.

Это было не совсем ложью – он должен был дождаться Темпла, который, как теперь надеялся Колин, потеряет его в этой толпе.

И снова она недоверчиво взглянула на него:

– Не хотите ли поискать наших партнеров вместе?

И Колин подал ей руку. Он и сам не знал, что заставило его сделать подобное предложение, но по какой-то причине ее приход в этот зал, полный хищников, пробудил в нем чувство чести, то есть то, в отсутствие чего его как раз и упрекали.

– Как это любезно с вашей стороны, – сказала она подобно хорошо воспитанной леди где-нибудь на балу в «Олмэксе», и ее пальцы легко легли на его рукав. – Возможно, вы даже представите меня. Боюсь, я не знаю здесь ни души.

Ее странная просьба, которая была бы подстать дебютантке, смутила Колина, так же как и ее бесхитростное признание, что она никого не знала на балу.

Что, черт побери, это за девушка?

Определенно она не была крошкой в свой первый сезон – она была слишком взрослой, чтобы участвовать в ярмарке невест. Глядя на нее, он предположил, что ей было лет двадцать. Кроме того, ни одна порядочная леди не рискнула бы появиться на подобной ассамблее без маски и сопровождающего.

Пока они двигались через толпу гостей, она шла с высоко поднятой головой, взирая на все окружающее с элегантною грацией герцогини.

Возможно, она была незаконным отпрыском какого-нибудь знатного человека, который дал ей кое-какое образование, что в будущем помогло бы ей найти подходящую партию.

Судя по забавной смеси ее утонченных манер и свободного нрава, Колин решил, что с ее склонностью к соленым словечкам девушка вряд ли сможет стать компаньонкой добродетельной леди.

И уж определенно девушка не подходила для роли гувернантки, даже если отбросить ее свободную манеру общения. Статная фигура и непокорные кудри ставили для нее крест на этом занятии. Ни одна леди в здравом уме никогда не наймет столь соблазнительную девицу в свой дом.

– Могу я поинтересоваться, почему вы ищете такого мужчину? Большинство леди... вашей...

– Моей профессии? – закончила она.

– Да, вашей профессии... предпочитают кого-то более... – Он пытался повежливее определить статус нужного ей человека.

– Более?.. – требовательно переспросила она.

– Более обеспеченного мужчину, – наконец нашел он подходящее определение. – Понимаете, того, у кого водятся деньги.

– Сегодня я предпочла бы скорее безрассудного, – призналась она, и ее глаза блеснули озорно и загадочно.

То, как она произнесла слово «безрассудного», разожгло его воображение. В мозгу замелькали картины смятых простыней, ее рук и ног, переплетенных с его, прижатых друг к другу тел и ночи незабываемой страсти.

Она была олицетворением колдовского соблазна, и Колин поспешно отвел от нее взгляд.

Вот дьявол! О чем только он думает!

Он, Колин Данверс, благоразумный член семьи, облаченный обязательствами старшего сына. Человек, для которого долг превыше всего. Всегда и везде.

Но, несмотря на это, его так и подмывало сказать ей, что сейчас все его мысли были заняты одним – как он заключит ее в объятия, увезет в какой-нибудь уединенный уголок и покажет, как безрассудны могут быть мужчина и женщина.

Единственное, что мешало ему открыть рот, было подозрение, что она снова рассмеется, а быть дважды отвергнутым за один вечер не подходило к его новому образу никчемного кутилы и пройдохи.

Джорджи не могла поверить своей удаче. Она станет жертвой самого симпатичного мужчины из всех представителей противоположного пола в зале.

Он определенно выглядел как человек, отказавшийся следовать условностям света, – волосы вопреки последней моде не были напомажены и тщательно уложены, а свободно падали ему на воротник. Густые, темные и блестящие, они напоминали вороново перо, которое она однажды нашла на берегу залива.

Зеленые глаза смотрели пристально, и ей казалось, что ничто не ускользало от его внимания. Он был крепким и сильным в отличие от изнеженных и полноватых гостей, резвящихся в бальном зале. Она подозревала, что он не из тех, кто бесцельно проводит дни в попытках безуспешно завязать галстук, а твердость его мускулов она ощутила, когда он поймал ее в объятия.

Его внешность вполне могла подойти распутному повесе – черты хищной птицы характеризовали, словно печать, его облик, особенно подбородок с глубокой ямочкой и тонкий шрам от кончика рта до квадратной скулы.

Он выглядел именно так, как и следовало повесе, но оставалась одна важная деталь – его намерения.

Он прямо-таки излучал порядочность. Даже его парадная одежда, как казалось Джорджи, была словно покровом чести, эта черта как бы вплеталась в бархат его темного фрака и отличалась ослепительной белизной, как его сорочка и галстук. Это ощущение возникло не из-за его слов или поступков, но Джорджи была абсолютно уверена в этом. Боже, как это могло случиться?

И все же... она от всего сердца желала, чтобы он стал тем самым распутным повесой, который был ей нужен. Ее повесой.

Даже когда она сообщила ему, кого собиралась найти сегодня ночью – человека, способного на самые безответственные поступки, – он ответил вежливой шуткой.

Почему он не понял ее намека, не перебросил ее через плечо, не увез в свое сомнительной репутации жилище холостяка, чтобы лишиться девственности с безрассудством разбойника с большой дороги?

Но, к сожалению, ее красивый и соблазнительный повеса оказался рыцарем в блестящих доспехах, предложивший сопроводить ее по залу, как он сделал бы, возвращая ее дуэнье после танца в «Олмэксе».

Вот уж поистине «Олмэкс»!

От Джорджи не ускользнула ирония ситуации, в которой она оказалась. Всю свою жизнь она мечтала о красивом, элегантном, благородном человеке и встретила его именно здесь; теперь же она стремилась избавиться от него. В одном Джорджи была твердо уверена: она не найдет того, кто сможет погубить ее репутацию, если останется рядом с этим незнакомцем.

И как можно было отделаться от приятного джентльмена?

Леди Финч никогда не давала совета на этот случай, поскольку большинство леди не выпустят человека со столь редкими качествами из своих шелковых лапок, даже если бы их жизни угрожала опасность.

Джорджи закусил губу и попыталась выбрать кого-то, пока они продолжали шествовать в толпе завсегдатаев подобных балов. Может быть, сказать своему спутнику, что у нее разболелась голова? Или притвориться, что подвернула лодыжку?

Но она тут же отвергла обе мысли. Он мог счесть своим долгом оказать ей медицинскую помощь.

Она издала продолжительный и безнадежный вздох.

– Увидели подходящую кандидатуру? – Он кивком указал на двоих мужчин среднего возраста перед ними. – Как насчет одного из них?

Джорджи сморщила носик. Джентльмен в розово-желтом шелковом фраке и темно-красном жилете был слишком пухлым. Человек же справа действительно выглядел распушенным, но его порок был явно иного направления, так как он качался из стороны в сторону с бокалом в руке и уже хорошо набрался, хотя было еще достаточно рано.

- Нет, определенно не эти двое.

Он согласно улыбнулся, продолжая вести ее среди толпы гостей.

Если уж она собиралась обесчестить себя, ей хотелось, чтобы это по крайней мере осталось в памяти... с человеком красивым и страстным, полным жизни... А не с этими жалкими образчиками... Она не сразу сообразила, что большинство этих светских людей были больше похожи на дядю Финеаса, чем на джентльмена, держащего ее под руку.

Вот если бы он стал ее распутным повесой хотя бы на одну ночь, подумала она, бросая на него косой взгляд.

Когда Джорджи оказалась в его руках и их тела приникли друг к другу, она почувствовала неиспытанное доселе волнение и неожиданную волну желания.

Несмотря на то что она была невинна, в тот момент Джорджи поняла, что значило желать мужчину... почувствовать его обнаженное тело прижатым к своему, ощутить, как его руки возьмут ее за грудь, а не ухватятся за нее по ошибке... и позволить своему телу слиться с его в горячем страстном порыве.

Даже сейчас, когда ее рука лежала на рукаве его фрака, от его тела исходило соблазнительное тепло, которое заставляло трепетать ее пальчики в перчатках из тонкой кожи.

Он пропустил вперед еще одну пару мужчин:

- Вы не будете столь любезны сказать, как вы ожидаете, чтобы я вас представил, если я даже не знаю вашего имени?

Ее имени?

- О, подумать только, я забыла про имя, - тихо пробормотала она.

- Забыли про имя? - повторил он.

На этот раз Джорджи выругалась про себя. Вызвавшийся составить ей компанию джентльмен был не только красив, но и обладал острым, подобно его замечаниям, слухом.

– Ну разве это не забавно, – заметил он. – Позвольте мне угадать. Вы избегаете кредиторов?

– Да нет же! – ответила она.

Он почесал подбородок, и его пальцы коснулись ямочки на нем.

Джорджи очень захотелось дотронуться до этого места. Пробежать пальцами по его скуле до края рта, где кончался шрам.

Он улыбнулся ей, и она погрузилась в мечты, которые избрали опасное русло: она вдруг представила, каково это будет – поцеловать его.

«Джорджи, перестань, – приказала она себе. – Тебе нужен распутник, повеса, а не поклонник».

– Ну же, – услышала она его голос. – Так как же вас зовут? – Он снова улыбнулся, и ей вдруг захотелось закрыть его рот поцелуем. – Почему леди угодно скрывать свое имя? Постойте. Возможно, вы желаете избежать встречи со старым любовником?

– Да, что-то вроде этого. – Но все у нее внутри решительно запротестовало против этого предположения. – Точнее будет сказать – со своим будущим мужем.

Он взял ее руку:

– Я никому не раскрою вашего имени. Через два дня я уезжаю из города, и у меня не будет возможности поведать ваш секрет ни одной живой душе.

Он уезжает из Лондона... Джорджи подумала, что ей следовало бы радоваться, так как она больше никогда не увидит его, но она почему-то не испытывала такого чувства. Особенно когда этот мужчина держал ее за руку и их пальцы переплелись, создавая ощущение близости, мешающее ей дышать, не говоря о

том, чтобы ответить на единственный интересующий его вопрос: ее имя.

– Итак, как вас зовут? – повторил он. – Я не могу думать о вас как о Киприде в опасных для жизни туфельках.

Не успев рассмеяться шутке спутника, она услышала окликнувший ее голос из толпы:

– Джорджи! Что, черт побери, ты тут делаешь?

Она словно оледенела. Это была катастрофа. Как ее обнаружили и кто?

Она резко обернулась, опасаясь, что ее разоблачат и с позором отправят домой, но, к ее удивлению и облегчению, пара подвыпивших прожигателей жизни жали друг другу руки и продолжали свое громкое приветствие.

– Джорджи, старик, как дела?

Она с облегчением вздохнула и увидела, что ее спутник внимательно рассматривает ее и одна его бровь вопросительно поднята.

На ее лице все еще отражались страх и смущение от того, что ее поймали с поличным.

– Джорджи? – переспросил он. – Это ваше имя? Довольно необычное для жрицы любви, вы не находите? Разве французские имена больше не в моде?

– Это старое прозвище, – ответила она, оглядываясь вокруг.

– Оно подходит вам, – заметил Колин. – Гораздо больше, чем Иветта или Селеста. Вы не возражаете, если я буду звать вас Джорджи?

– Нет, конечно, нет, – покачала она головой.

– Вот и отлично. А я – Колин, лорд...

Он неожиданно замолчал, так как путь им преградили трое мужчин в морской форме.

Пусть эти трое носили расшитую золотом форму офицеров, голодный и жадный блеск в их глазах говорил ей, что они ничем не отличались от толпы истосковавшихся по берегу простых матросов, наводнявших доки Пензанса с каждым приливом.

Джорджи инстинктивно прижалась к Колину.

Колин. Ей нравился звук его имени и то, что она чувствовала себя в безопасности вблизи этого человека.

- Что вам угодно, Браммит? - спросил Колин выступившего вперед крупного мужчину.

- Увидеть, как вас вздернут, словно паршивого пса, - ответил человек, на руке которого висела шлюха и смеялась тонко и пронзительно, а щеки ее при этом дрожали.

Джорджи вдруг поняла, почему леди Финч предупреждала ее о тяжелой жизни падших женщин. Две другие женщины с этими джентльменами выглядели так, будто проползли на четвереньках не меньше мили.

- Жаль разочаровывать вас, капитан, - ответил Колин, - но у меня другие планы.

Теперь вперед выступил другой офицер. Он ниже ростом остальных двоих, но столь же агрессивен, подумала Джорджи, судя по взгляду его птичьих глаз и напряженной позе. Он напоминал фокстерьера, выслеживающего крысу.

- Похоже, всегда совершенный и лицемерный Ромул считает, что и сейчас он лучше нас. Но полагаю, мы должны пожалеть вас, потому что это все, что вы теперь можете себе позволить, - сказал он, глядя с оскорбительной улыбкой на Джорджи.

За кого бы она себя ни выдавала, Джорджи не могла допустить, чтобы о ней отзывались так, будто она была гниющими на свалке отбросами. Она сделала

шаг вперед, готовая высказать все, что думала по этому поводу, когда почувствовала, как рука Колина, на которую она опиралась, напряглась, чтобы удержать ее.

Он как бы говорил: это не ваше поле битвы.

– Оставьте девушку в покое, Паскинс, – произнес Колин тоном, который спровоцировал их оспорить его авторитет. Но еще приятнее его открытой защиты было легкое поглаживание ее руки его большим пальцем, что означало, в чем она была абсолютно уверена, что этот мужчина не судил о ней по ее вызывающему туалету.

– Как же вы осмелились показать свою трусливую физиономию на публике, Ромул, словно вы по-прежнему правите морями? – продолжил Паскинс.

Другие захихикали.

Ромул. Она поняла, что имя, которым обозначали честь, теперь использовалось как оскорбление. Но почему? И что сделал Колин, чтобы заслужить подобную страстную неприязнь?

– А что, вам нечего сказать, Рем? – обратился Колин к третьему офицеру, который держался за спинами своих друзей.

– Сказать? – Мужчина хмыкнул. – Скажу, что целиком согласен с Паскинсом. Вы явно опустили в выборе спутницы. Было время, когда вы считались слишком чистым для подобного отребья.

Двое других рассмеялись.

Тот, кого звали Рем, не успокаивался:

– Может, мне начать ухаживать за леди Дианой? Я слышал, ее помолвка расторгнута.

При упоминании имени леди Дианы Колин тут же отпустил руку Джорджи.

– Что же, попытайтесь, – сказал он. – Хотя Ламден даже не позволит вам переступить порог своего дома. Если только вы наконец чудом не получите чин капитана, командер Хинчклиф.

Лицо Хинчклифа стало цвета любимого портвейна дяди Финеаса.

Что бы там ни было, Джорджи поняла, что эти двое, носящие древние прозвища, были крайне враждебно настроены друг против друга, не то что исторические близнецы Ромул и Рем.

Вряд ли кто из этих джентльменов, включая и Колина, поверил бы, что она знакома с классической литературой, но она хорошо знала эту историю.

Во время одной из своих нелегальных морских экспедиций во Францию капитан Тафт вывез оттуда группу эмигрантов, среди которых был преподаватель классической литературы из Парижа. Этот человек оплатил свой проезд, всю зиму обучая сестер Аскот греческому и латыни, прежде чем отправиться на поиски места в Лондоне.

Ромул и Рем. Братья, которые основали империю и кончили взаимной враждой, когда один из них погиб от руки другого.

Хинчклиф, выпятив грудь, придвинулся ближе к Колину.

– Вы неподходящая компания для порядочных леди. – Он бросил на Джорджи испепеляющий взгляд. – Где вы отыскали эту завалящую проститутку? – спросил он. – Удивлен, что вы можете позволить ее себе, хотя многое становится понятным, если слухи о том, что вы долгие годы принимали французское золото, правда.

Колин достаточно долго держал себя в руках. Он мог вынести любые оскорбления, которые эти трое готовы были бросить ему в лицо. В конце концов, если бы он находился в другом лагере и видел, что его брат-офицер был судим трибуналом и избежал виселицы, он и сам мог бы изречь пару оскорблений.

Но не в его правилах было позволить им изливать свою злобу на леди, которую он сопровождал. Кем бы она ни была, она не заслужила их оскорблений.

Но как только он подался вперед, крепко сжав кулак, на его плечо опустилась рука и остановила его на месте.

- Так вот где ты, кузен. Я уже начал бояться, что ты сбежал от меня.

Темпл. Колин почти забыл, что пришел сюда со своим печально знаменитым кузеном.

- Ты не поверишь, каких трех леди я только что встретил. - Оценивающий взгляд Темпла скользнул по Джорджи, и по легкому излому его брови Колин понял, что тот тоже нашел ее странноватой, но в отличие от него не был заинтригован.

- Темплтон, - сказал Паскинс. - Не встревайте.

Темпл улыбнулся всем троим:

- Что здесь происходит? Вы собираетесь что-то отпраздновать без меня? Это, право, обидно.

Хинчклиф презрительно хмыкнул:

- Вы настоящий дурак, Темплтон. Идите своей дорогой, если хотите остаться целым и невредимым.

Кузен Колина встал в позу настоящего денди-распутника, держа в одной руке лорнет, а другой упершись в бок.

- Настоящий дурак, вы говорите? Что же, испытайте мою дурость, Хинчклиф. Она будет гигантским шагом вперед для вас и ваших друзей. Никогда не знаешь заранее, перемены могут здорово освежить.

Паскинс и Браммит вопросительно взглянули на Хинчклифа, и Колин понял, что они прикидывают, что дальше делать - бросить вызов братьям или же просто вывести Темпла на улицу и хорошенько отколотить.

Легким кивком головы Хинчклиф дал понять своим спутникам: им надо сохранить свои позиции, что остальные двое и сделали.

Это не удивило Колина. Трое действовали как единая команда, а Хинчклиф выступал их бесспорным лидером, хотя и был рангом ниже остальных.

– Сейчас неподходящее время и место, – сказал он, не сводя глаз с Колина. – Но скоро, Ромул, очень скоро мы встретимся и завершим то, что начали.

Они пошли прочь так же неожиданно, как и появились, не успев причинить никому вреда.

Стоящая рядом с Колином девушка громко вздохнула.

– Я, наверное, ошибалась относительно вас, сэр. У вас, по-видимому, достаточно дурная репутация, – сказала она, глядя вслед уходящему трио. Когда она повернула голову и взглянула на Колина, в ее взгляде читалось что-то вроде восхищения и... интереса.

Если раньше он из кожи лез, чтобы убедить ее, что слывет повесой и распутником, то теперь... теперь он ясно понял, что был неподходящим для нее мужчиной. Как и любой другой из собравшихся здесь участников бала. Вид проституток, повисших на руках Браммита и Паскинса, ясно показал, что здесь не место его спутнице с ее наивным свежим личиком. Он меньше всего хотел, чтобы цветущая Джорджи превратилась в грустную, пожелтевшую и постаревшую жрицу любви.

Хотя Колин знал, что, коль скоро он представился прохвостом и негодяем, его не должно было это волновать, но тем не менее не мог избавиться от этой мысли.

– Похоже, вас очень неохотно принимают здесь, – проговорила она, с трудом скрывая свое возбуждение. – Итак, если вы свободны на сегодняшнюю ночь, думаю, вы прекрасно подойдете мне.

«Прекрасно подойду?»

Колин фыркнул, пытаясь найти подходящий ответ. Женщины делали ему предложения и раньше, обычно строя глазки, посылая записки через лакеев и даже скользя туфелькой вверх по его ноге под столом.

Но ни разу в жизни леди не говорила ему, что он прекрасно подойдет.

Темпл даже не пытался скрыть свой смех. Он загоготал, согнувшись пополам и схватившись за концы своего бутылочного цвета жилета.

– Я сказала что-нибудь не то? – спросила Джорджи. – Или вас испугало, что я так нелепо вошла в зал? Правда-правда, как только я скину эти проклятые туфли, обещаю, я буду более грациозной. – Она вновь покраснела и подняла ногу; вид ее шелковых чулок затмил его скучное представление о чести или невинности. – Во всяком случае, иногда, – торопливо добавила она.

Его кузен сначала взглянул на ее ногу, затем на Колина и разразился новым приступом смеха.

– Темпл! – Колин взял кузена под руку и хорошенько встряхнул его. – Перестань. Это совсем не то, что ты думаешь.

Темпл поднял руку и сказал:

– Позвольте мне оставить вас наедине. Очевидно, у вас есть о чем поговорить.

Он повернулся и начал удаляться, а Колину все еще слышался его сдавленный смех и слова «прекрасно подойдете».

Колин сжался. Зная Темпла, он понял, что тот ни за что не остановится.

Не колеблясь ни минуты, он взял за руку свою юную Киприду и направил ее к выходу.

– Мы уже уходим? – спросила она. В ее глазах блеснула надежда. И приглашение.

О нет. Он понял это слишком поздно. «Она думает, что я принимаю ее предложение».

– Я собираюсь отвезти вас домой, – сказал он. – Это неподходящее для вас место.

Он еще раз окинул взглядом ярко и безвкусно одетых дам, собравшихся в этом зале, и сравнил эту картину с искрами в невинных глазах Джорджи и с ее свежей, не напудренной кожей.

Определенно она из другого мира.

И если он не был распутником и повесой, то ей тем более не подходила роль шлюхи.

Хотя она и обладала зрелой роскошной фигурой... Ее непокорные волосы обещали соблазнительно рассыпаться по подушке... Ее платье открывало мужчине ее женские прелести и разжигало в нем желание обнаружить настоящее сокровище, спрятанное под шуршащим шелком...

В Колине вновь взыграла кровь, и он ощутил острую потребность обладать ею.

– Я прекрасно понимаю, что вы не принадлежите к здешнему кругу, – сказал он, на этот раз скорее для себя, нежели ради ее блага. – Я намерен отвезти вас домой в целостности и сохранности.

– Отвезти меня домой? – прошептала она. – Но я думала...

– Я прекрасно знаю, о чем вы думали, но я не тот, кого вы ищете.

Однако ее одновременно рассерженный и неуверенный взгляд говорил об обратном.

– Позвольте мне проводить вас до дома; то, что вы найдете здесь, не принесет вам счастья.

– Я вовсе не говорила, что ищу счастья. Я только... – начала Джорджи запинаясь, но потом замолчала. Она расправила плечи, а губы сложились в тонкую серьезную линию на ее цветущем лице. – Если таково ваше окончательное решение, сэр, боюсь, мне придется искать другого компаньона.

Она попыталась уйти, но Колин успел поймать ее прежде, чем она вновь споткнулась на своих высоченных каблуках.

– Вы отдаете себе отчет, какая опасность вас здесь подстерегает? И что собой представляют мужчины?

Она оттолкнула его руку:

– Я прекрасно знаю природу мужчин, именно поэтому я и нахожусь здесь.

Ее язвительный ответ больно отозвался у него в душе. Он наконец понял, что эта юная девушка находилась здесь вовсе не потому, что хотела этого, – она пришла сюда из-за того, что кто-то поставил ее в безвыходное положение. Он мысленно обругал того, кто заставил ее так поступить. На что этот подлец надеялся? Должно быть, она почувствовала участие к ней Колина, потому что добавила:

– Благодарю вас, но я могу сама позаботиться о себе. Пожалуйста, найдите своего кузена, а я займусь делом. – Она сложила руки на груди, постукивая носком туфли и ожидая, когда он удалится.

Они молчали, упрямо глядя друг на друга, и ни один из них не собирался сдавать свои позиции. Несмотря на решимость не поддаваться ее привлекательному предложению, Колин чувствовал в крови огонь соблазна.

Она была девчонкой, глупой девчонкой. И самой необычной девушкой из всех, кого он встречал.

Так что же ему делать? Вывести ее из зала и потребовать, чтобы она оставила свое ремесло? Через два дня он отплывает из Лондона. Он уедет, а она будет искать другого свободного мужчину.

Он заглянул в ее темные глаза:

– Не делайте того, о чем пожалеете уже на следующее утро.

– Я ни о чем не пожалею, если вы захотите... – Вслушиваясь в ее сердитые слова, Колин уловил в них нечто большее – страх и отчаяние.

Казалось, она вот-вот скажет ему что-то, раскроет правду о тайне и грусти, скрывающихся в ее глазах, но сзади настойчиво закашлял и что-то пробормотал Темпл в попытке привлечь внимание кузена.

«Пусть он хоть задохнется», – решил Колин.

– Взгляните на своего кузена, иначе с ним случится апоплексический удар, – сказала Джорджи, освобождаясь от его руки. – Мужчины его возраста должны лечиться от подобного заболевания.

С этими словами она повернулась и устремилась в толпу, словно корабль под парусами.

– Моего возраста?! – воскликнул Темпл, встав рядом с Колином. – Что эта крошка имела в виду?

– Что ты неисправимый старый идиот, – сообщил Колин, дав ему пару тумачков.

– Это еще за что? – поинтересовался Темпл, отходя, чтобы оказаться вне досягаемости брата, и немедленно начал поправлять свой роскошный фрак и галстук. – Черт побери! Я только что спас тебя от самой безвкусно одетой простушки в зале, не говоря уже о выволочке от твоих бывших товарищей по плаванию.

Колин отмел замечание кузена:

– Она свежа, как роза. Что же касается тех троих, – Колин бросил взгляд туда, где Паскинс, Хинчклиф и Браммит развлекали своих спутниц, хвастаясь наверняка выдуманскими подвигами и отвагой, – я мог сам посчитаться с ними.

Темпл громко хмыкнул:

– Еще один урок для изгоя: ты будешь самой подходящей кандидатурой для каждого новоприбывшего в Лондон желторотого юнца, желающего показать себя в дуэли. Не позволяй втянуть себя в их жалкие попытки доказать, что они – настоящие мужчины.

Колин кивнул, хотя слушал вполуха, а его взгляд был прикован к Джорджи, пока она прогуливалась по краю толпы, поглядывая то на одного, то на другого мужчину в поисках своего повесы.

- Пусть она уходит, - спокойно произнес кузен.

- Что? - не расслышал Колин.

- Я сказал, пусть малышка уходит. Ты не можешь взвалить на себя ее беды, когда у тебя впереди столько дел. - Темпл замолчал, его отрешенный взгляд блуждал по толпе, словно он тоже искал свою потерянную распутную леди. - Когда пытаешься спасти нацию и служить королю, иногда приходится поступать вопреки своему сердцу.

Колин постарался проигнорировать совет кузена.

- Ты ничем не поможешь ей, - заявил Темпл, и каждое его слово было исполнено опыта и заботы. - Уехав, ты уже не сможешь защищать ее. Ты отлично знаешь это. Помни о своих обязанностях, каковы бы они ни были. - Его губы сложились в улыбку. - И если ты просветишь меня относительно их природы, я, возможно, смогу помочь тебе.

Оглядев кузена, Колин засмеялся:

- И не надейся. Даже не пытайся что-либо выпытывать у меня.

Темпл пожал плечами, затем бросил еще один взгляд в сторону Джорджи.

- Если ты собираешься позволить свету критически относиться к тебе, вот следующий урок: избегай бедных беспомощных провинциальных девушек. Уже одно ее платье - словно печать отверженности.

Взяв Колина за руку, Темпл повернул его спиной к Джорджи и начал подталкивать в направлении карточных столов.

- С каких это пор ты стал таким знатоком женской моды? - спросил Колин, вытянув шею так, чтобы не упустить из виду Джорджи.

Ему не нужно о ней заботиться, ему не следует сегодня вечером беспокоиться о сбившейся с пути молодой женщине. Темпл был прав. Перед ним стояли более серьезные задачи.

И все же...

– Я всегда интересовался женской модной одеждой, особенно тем, как избавиться от нее леди. – Темпл засмеялся, продолжая уводить Колина подальше от девушки. – Тонкое чувство современной моды присуще тем, у кого мало здравого смысла и много свободного времени. – Он пожал плечами. – Я и сам слышу прожигателем жизни и знатоком моды. – Он погладил свой безукоризненно завязанный галстук и великолепного покроя фрак. – Объект твоей благотворительности одета во французское платье двадцатилетней давности. Оно хорошо сшито и не переделывалось десятков раз, так что она не могла купить его у торговца тряпьем на Петтикоут-лейн. Поэтому могу предположить, что оно досталось ей по наследству, что означает: или она занимается семейным ремеслом, или же семья находится во власти кредиторов, и эта девчушка – их единственный путь к избавлению от разорения. – Темпл вздрогнул. – Надеяться, что она – спасение семьи! Да поможет им Бог. Они умрут от голода, прежде чем эта пташка заработает достаточно, чтобы удовлетворить кредиторов.

– И ты понял все это, взглянув на нее только раз? – Колин недоверчиво покачал головой.

– Да. – Темпл дернул плечом. – Годы опыта. Годы наблюдений и опыта.

Колин не мог согласиться с кузеном. История Джорджи представлялась ему более сложной, чем упрощенное суждение кузена.

Колин вновь попытался отыскать глазами девушку, но не смог различить ее в толпе.

– И что же случится с ней исходя из твоего долгого опыта?

– Тебе лучше не знать этого, – покачал головой Темпл. – Попытайся вспомнить ее неловкие манеры и поскорее избавься от синяка на ноге.

Колин удивленно взглянул на кузена:

– Как ты узнал о ноге?

– По большому выразительному следу на твоём ботинке.

Наверное, целый час Джорджи не позволяла себе думать о Колине, но потом, не в состоянии больше сопротивляться, обследовала толпу вдоль и поперек, пока не обнаружила его и кузена, погруженных в разговор с двумя роскошными жрицами любви.

Вот это настоящие шлюхи, подумала она, скосив глаза на собственное платье, которое показалось ей таким очаровательным, когда она достала его из сундука. Но сейчас она поняла, насколько оно безнадежно устарело. На фоне гладких элегантных туалетов окружающих ее леди с красиво уложенными волосами, прекрасно подобранными драгоценностями и лицами, более выразительными от румян и краски на веках, было совершенно очевидно, что здесь ей не место.

Как прав был Колин, отметив это! И как глупо было с ее стороны думать, что такой красивый мужчина будет настолько заинтригован ею, что захочет взять ее в свою постель. К тому же она не сделала ничего, чтобы привлечь к себе его внимание.

Она съежилась, вспомнив, о чем они говорили. Черт побери! Она произнесла «черт побери» даже не один раз, а дважды. Неудивительно, почему он сказал ей, что это место не для нее. Ругаясь, словно неотесанный матрос, она наверняка казалась более подходящей для прогулок по докам.

Но даже если не принимать во внимание ее распущенный язык, то, чтобы отпугнуть его, хватило бы того, что она наступила ему на ногу. И все же она бы не возражала, если бы он заманил ее в постель.

Если бы он счел ее привлекательной. Неожиданно ей показалось, что она поймала обращенный на нее взгляд Колина; его зеленые глаза горели страстью и говорили, что он точно знает, как она выглядит без платья и как избавиться от него, но, может быть, это все ее выдумки?

Несмотря на его уверения, что он ужасный распутник и повеса, Джорджи чувствовала, что какие бы проступки он ни совершил, чтобы прослыть негодяем и вызвать враждебность тех офицеров, это было незаслуженно. Или почти незаслуженно.

Пока они стояли на верхней ступеньке лестницы и он очень долго не выпускал ее из объятий, она готова была поклясться, что почувствовала пробежавшие между ними искры, словно их тела уже знали, как хорошо они подойдут друг другу.

Однако этого было недостаточно, чтобы удержать его.

Она оглядела дам, стоявших вокруг, – кто-то обмахивался веером с грацией бабочки, другие очаровывали мужчин изяществом движений, третьи старались привлечь внимание поклонников остроумными замечаниями.

Джорджи опять выругалась про себя. Что ей известно о флирте? Что она вообще знает об искусстве обольщения мужчин?

Почти ничего.

Этот печальный вывод был неприятнее от того, что она поняла: теперь ей придется всерьез заняться поисками... или сдаться и отправиться домой ни с чем. Разглядывая довольно невыразительных представителей сильного пола в зале, она сочла Колина самым красивым мужчиной среди них, а его кузену отвела второе место.

На остальных же лежала печать обжорства, пьянства и распутства, так что даже перспектива выйти замуж за лорда Харриса казалась более привлекательной.

Пока ее занимали эти мысли, толпа гостей расступилась, и два джентльмена неторопливо направились в ее сторону.

Одного из них она знала. Это был дядя Финеас!

«Черт возьми! – подумала она, нырнув за кадку с тропической пальмой и выглядывая из-за ее резных листьев. – Что он здесь делает и кто это с ним?»

Вдруг ее словно ударило током. Ну конечно, это был ее суженый. Лорд Харрис.

На кого еще могли так неприязненно смотреть дамы в зале, стараясь держаться подальше от него?

Джорджи подумала, что ее сейчас стошнит от одного его вида.

Ее суженый отличался высоким ростом, лицо и руки его были высохшими и желтыми. Редкие седые волосы были зачесаны так, чтобы скрыть голый череп. Но попытка оказалась тщетной.

Он шел с тростью, которой тыкал в дам, попадавших ему на пути. И когда одна из них возмущенно вскрикнула, лорд Харрис ткнул ее в ягодицу позолоченным концом трости – он зафыркал и засмеялся, пока не засвистел, как кузнечные мехи.

– Пойдем со мной, девчонка, – предложил он оскорбленной женщине. – Я проткну тебя так, что ты завизжишь по-другому.

Женщина возмущенно вздернула носик и поспешила отойти в сторону.

Джорджи подавила поднявшуюся к горлу тошноту. И этого господина ее опекун счел хорошей партией для нее?!

«О, подождите, пока мои руки доберутся до вашего горла, лорд Данверс», – подумала она, планируя его кончину сотней различных способов. Вид ее нареченного не только возродил решимость найти какого-нибудь распутника, но и заставил ее торопиться – она должна выполнить свой план как можно скорее и покинуть бал, прежде чем на нее наткнется дядя Финеас.

Выйдя из своего укрытия, она пошла в противоположном направлении, когда неожиданно ей преградили путь те самые три недруга Колина.

Джорджи не могла уклониться от этой встречи, поскольку они действовали проворнее.

– Привет, птичка, – произнес тот, чье имя было Браммит. – Мы видели, как вы отвергли нашего старого приятеля, и решили узнать, не заинтересует ли вас сегодня ночью настоящий парень.

Паскинс бросил на приятеля мрачный взгляд, но когда он повернулся к Джорджи, его лицо излучало улыбку.

– Пожалуйста, не обращайтесь внимания на дурные манеры моего друга. – Он поймал ее руку и поднес к губам, прежде чем она могла остановить его. – Мы даже не представились. Мое имя – Паскинс. Капитан Паскинс, моя прекрасная леди. И думаю, что к концу вечера моя компания покажется вам самой подходящей. – Сотворив что-то с лицом, что, как предположила Джорджи, должно было передать, как он очарован ею, он попытался ближе притянуть ее к себе.

Она отдернула руку и спрятала ее в складках юбки. Позже она отскребет ее с дегтярным мылом, но в данный момент ее единственным желанием было укрыться от этого человека.

Но мужчины хорошо спланировали свою атаку, потому что Джорджи тут же обнаружила, что ее прижали спиной к стене.

Коммандер Хинклиф оттеснил двух других. В мерцающем свете свечей его каштановые волосы отливали медью. Широкие плечи красноречиво свидетельствовали о недюжинной силе, и казалось, он бросит вызов каждому, кто осмелится оспорить его авторитет.

Джорджи не сомневалась, что из них троих самым опасным был тот, кого Колин называл Ремом.

– Коммандер Хинклиф к вашим услугам, мадам. Приятно познакомиться именно сегодня, – сказал он, коротко поклонившись, но не взял ее за руку, как это сделал Паскинс.

Джорджи мысленно поблагодарила его. Однако его голос, хотя он произнес всего несколько слов, заставил ее сжаться от страха. Это явно был человек, от которого невозможно избавиться.

И у нее не осталось сомнений относительно намерений Хинчклифа, когда его оценивающий взгляд окинул ее с ног до головы с рассчитанной холодностью северного ветра.

Понравилось ему то, что он увидел, или нет, не имело никакого значения.

В этот момент Джорджи пожалела, что миссис Тафт так откровенно описывала все происходящее между мужчиной и женщиной – мысль о том, что один из этих мужчин прикоснется к ней подобным образом, бросила ее в дрожь.

– Это какая-то ошибка, – весело заявила она. – Я вижу того, с кем должна была встретиться. – Она попыталась обойти их, но офицеры привычно сжали свои ряды.

– Не так быстро, птичка, – сказал Браммит, расставив руки и преграждая ей путь к бегству. – Что бы вам ни предложили на сегодняшнюю ночь, это не пойдет ни в какое сравнение с тем, что мы имеем в виду. – Он ухмыльнулся, глядя на своих друзей. – И если все дело в цене, мы только что получили жалованье и готовы щедро поделиться с вами. Конечно, если вы не создадите трудностей для нас.

Его тон предполагал, что он опасается именно этого.

– Право, меня ждут, господа. Приятно было встретить вас. – Джорджи вздернула подбородок и попыталась нырнуть под руку Браммита.

Но командер Хинчклиф действовал проворнее. Он быстро и уверенно схватил Джорджи за руку и вновь втянул ее в свой кружок.

– Это не очень-то вежливо, – заметил он. – Но наглядно. – Он взглянул на своих спутников. – Сегодня ночью мы все должны быть настороже, джентльмены. Эта птичка слишком проворна.

Джорджи выросла на редких, но далеких от хорошего тона уроках миссис Тафт, и, кроме того, ее школой были также причал и доки Пензанса. И, став старше, она научилась держаться в стороне от подобных мужчин.

Она поняла, у них на уме было не просто уложить ее в постель. И от этого открытия ее обуял страх.

Джорджи лихорадочно обвела глазами зал в надежде увидеть Колина, хотя для нее самой было загадкой, почему она решила, что он придет ей на помощь. Однако это не имело значения, потому что даже если бы он захотел спасти ее, его не было поблизости.

Ее охватила паника. Что, если он ушел с той, другой женщиной? Настоящей шлюхой. Роскошной и рыжеволосой, с манерами и видом герцогини?

О, почему она не согласилась на его предложение отвезти ее домой? Она позволила своей глупой гордости взять верх над здравым смыслом.

И когда ее уже охватило отчаяние, она увидела Колина, стоящего на лестнице у входной двери и смотрящего в ее сторону. Он явно намеревался уйти и в последний раз оглядывал зал.

Та рыжеволосая действительно стояла неподалеку и наблюдала за Колином, обмахиваясь кружевным веером и болтая с Темплом.

У Джорджи на глазах выступили слезы.

«Пожалуйста, вернитесь, – молила она. – Какая же я была дура, что не послушалась вас!»

Но было слишком поздно. Он повернулся к ней спиной и присоединился к своей компании.

Темпл нахмурился, увидев, как еще одна пташка высокого полета постаралась уйти с их пути, когда они пересекали заполненный гостями зал.

– Черт побери, Колин! Ты пугаешь уже четвертую куколку. Ты перестанешь наконец говорить им, что у тебя нет денег?

– Но ведь их нет и у тебя, – заметил Колин.

По пути на бал Темпл признался, что у него опять вышла размолвка с дедушкой. Герцог не одобрял поведение Темпла, и его недовольство проявлялось в том, что он периодически урезал содержание своего молодого наследника.

– Да, но это всего лишь временные финансовые трудности, – уверил его Темпл. Он бросил оценивающий взгляд на Колина. – Тебе ведь не пришлось вернуть все деньги, не так ли?

– К сожалению, пришлось, – солгал Колин. Он знал, что не следует признаваться кузену в том, что у него в кармане есть хотя бы грош. Темпл мог очаровать любого и даже выманить последнюю мелочь у нищего. К тому же он, как всегда, вернет расположение деда самое позднее дней через десять. – Сегодня тебе придется обойтись без них.

Темпл еще раз взглянул на удаляющуюся леди.

– Эта глупенькая крошка еще месяц назад буквально молила меня устроить ее в новом гнездышке. Я был уверен, что...

– Что она ничего не узнает о моих проблемах и поэтому станет твоей легкой добычей?

Кузен рассмеялся:

– Именно так. К черту! Даже когда я попадал в самые неприятные переделки, я никогда не отпугивал слабый пол. Во всяком случае, не этих леди. – Умолкнув на минуту, Темпл постучал по подбородку лорнетом. – Может, попытаться самому пойти под трибунал? Хотя бы уже только для того, чтобы стряхнуть с себя стаю мамаш, стремящихся выдать замуж своих дочек. Этот трюк мог бы избавить меня от нынешнего светского сезона.

– Я бы не советовал тебе этого, – сказал Колин. – Когда я уйду, у тебя будет шанс присоединиться к какой-нибудь компании.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Темпл. – Но мне очень не нравится, что ты уйдешь отсюда один. Особенно сегодня, когда разладилась твоя помолвка. Вот уж не повезло так не повезло. Да, послушай, – обратился он к Колину. – Иди и

встань около этого дерева в кадке, постарайся спрятаться там на какое-то время. Посмотрим, сумею ли я исправить положение с этой красоткой. Скажу ей, что ты недавно был пленником в гареме и сбежал оттуда, обогатившись уроками, которые покажутся удивительными даже на ее пресыщенный вкус.

– Не хочу обременять тебя своим обществом, – засмеявшись, сказал Колин. – Пожалуй, мне лучше всего немедленно покинуть этот бал.

Темпл тут же начал разубеждать кузена:

– В тебе снова заговорил прежний Данверс. А ведь мы, если я не ошибаюсь, похоронили его еще по дороге сюда. Должна же найтись подходящая девушка, удивительная весталка, которая соблазнит тебя и заставит твое сердце биться сильнее, чем когда ты идешь под парусом. Только не та, которую ты снова выискиваешь. Она погубит тебя. Это написано у нее на лице.

Колин бросил на него взгляд, похожий на испепеляющий взгляд их деда, но его неугомонный кузен только рассмеялся и направился к рыжеволосой даме и ее спутнице.

Колину следовало бы знать, что его кузен не успокоится, пока не найдет для него достойную партнершу. Спасительным средством от всех неприятностей Темпл считал женское общество. Но сейчас это было не для Колина. Ему хотелось уйти. Предстояло о многом позаботиться, прежде чем он уплывет, и не было смысла болтаться здесь среди гостей... разве только ради того, чтобы вновь найти Джорджи...

Его взгляд равнодушно обежал собравшихся, пока неожиданно не наткнулся на нее. Она стояла в другом конце зала, спиной к стене в окружении Хинчклифа, Паскинса и Браммита.

По испуганной позе и широко раскрытым от ужаса глазам Джорджи было ясно, что она попала в переделку.

Хотя издали могло показаться, что эти трое пытались очаровать ее, Колин знал их достаточно хорошо, чтобы понять, как они собирались развлечься.

Возможно, они выбрали Джорджи именно потому, что раньше видели ее с ним.

Он же собрался сделать первый шаг в силу своей природной порядочности, но сдержал себя, словно услышав вновь мрачный совет Темпла: иногда следует поступать вопреки своему сердцу.

Может статься, Темпл прав, ведь он достаточно долго жил в лондонском свете.

Колин попытался напомнить себе, что ему следует поступать в соответствии с новой репутацией – эгоистичного, сумасбродного ублюдка. Сегодня он не мог позволить себе стать благородным рыцарем в блестящих доспехах, тем более ради какой-то шлюхи... и особенно перед этими тремя негодьями.

Поэтому он глубоко вздохнул и повернулся к ней спиной. К этой невообразимой, сводящей с ума и соблазнительной Джорджи.

Колин решительно направился к выходу, но на полпути совершил ошибку – он оглянулся.

На покрасневшей щеке девушки он увидел огромную блестящую слезу. Сверкая, как маяк, она манила его, и только его одного.

Колин выругался. Обругал самого себя, свою проклятую порядочность и свое чувство ответственности. Но он уже ничего не мог с собой поделать.

Глава 4

О чем она только думала, направляясь в такое место? Джорджи еще раз обругала себя: она бросала якорь, веревка от которого была привязана к ее ноге, как сказал бы капитан Тафт.

Если бы только ей удалось придумать, как отделаться от этих троих, а затем улизнуть с этого бала так, чтобы ее не заметил дядя Финеас; впредь она никогда больше не поступит столь опрометчиво и глупо.

– Джентльмены, боюсь, произошла ошибка, – раздался глубокий красивый голос, и это было произнесено тоном, который означал, что его хозяин не потерпит никаких возражений. – Эта леди – со мной.

Колин!

Джорджи медленно повернула голову и поняла, что ее клятва была преждевременна. Она смотрела на широкую крепкую грудь единственного в зале человека, который делал ее дерзкой и опрометчивой. Взгляд скользнул по дорогому бархатному фраку, прямым широким плечам, затем вверх по четко обрисованной скуле с тонким шрамом. Ей не терпелось узнать о его происхождении, но вряд ли когда-нибудь ей откроются секреты, казавшиеся неотъемлемой частью этого живого, деятельного человека.

– Что вам нужно, Ромул? – Хинчклиф усмехнулся. – Я думал, мы избавились от вас и вашего пустоголового кузена.

Джорджи поразило самообладание ее защитника. Оттуда, где она стояла, ей были хорошо видны его мрачно сжатые губы и суровые черты лица, и она не понимала, почему эти трое тут же не отправились восвояси.

По правде сказать, вид Колина немного напугал даже ее, а ведь этот человек был на ее стороне.

Его глаза, казалось, горели безразличием к опасности. Оттенок зеленого в них, напомнивший Джорджи быстро движущиеся воды прибоя вблизи Пензанса, словно предупреждал об опасности, таившейся за его внешним спокойствием.

– Я же сказал, эта леди – со мной. – Слова прозвучали даже не как утверждение, а как приказ, отданный без малейшего сомнения, что ему могут противоречить или не подчиниться.

Неожиданно она представила его стоящим на палубе фрегата в полной форме и командующим всеми. Весь его облик, гордая поза, командный тон, вызов и целеустремленность, горящие в глазах, свидетельствовали о его неоспоримой власти.

Он противостоял трем внушительного вида противникам и, очевидно, не находил ситуацию устрашающей – сэр Уолтер Ралеи и Шарлемань в одном лице. Он бросился ей на помощь, а ведь он почти не знал ее.

К тому же сердце подсказывало ей, что, возможно, он мог решить еще одну ее пустячную проблему.

Может быть, она ставила телегу впереди лошади, но ведь могла она питать надежду? Джорджи придвинулась поближе к его внушительной фигуре и, даже не задумываясь, заявила своим мучителям:

– Да, я с ним. Извините, милорд, – сказала она, глядя через плечо на своего Дон Кихота. – Я потерялась в этой толпе и никак не могла вас отыскать.

– Нет, моя дорогая, – сказал он, беря ее руку и кладя на рукав своего фрака жестом собственника, показывающим в то же время его готовность защитить ее. – Нет, это я должен извиниться перед вами. Мне не следовало отпускать вас от себя ни на шаг. Но к счастью, я нашел вас.

Если простое прикосновение руки этого человека и его слова заставляли бешено забиться ее сердце, Джорджи боялась даже предположить, что она ощутит, когда он коснется ее тела в более интимных местах.

– Проваливайте, Ромул, – произнес Паскинс, его поросячьи глазки стали еще уже, а лицо запылало от гнева. – Зачем рисковать тем малым, что осталось от вашей репутации, если все в зале знают о ваших неблагоприятных поступках, за которые вам следовало бы болтаться на рее?

Лицо Колина тронула легкая улыбка.

– Вы так спешите увидеть меня повешенным, Паскинс? Право, мне не хочется проводить время после смерти, дожидаясь вас в преисподней. Впрочем, судя по тому, как вы любите подделывать вахтенные журналы, вы там окажетесь первым.

Лицо Паскинса при этих словах стало еще краснее.

– За это оскорбление я прикончу вас немедленно. Колин сохранял невозмутимость.

– Сомневаюсь, что вы отважитесь на это. Вы ведь знаете так же хорошо, как и я, что это значит – пистолеты для двоих и завтрак для одного. А я люблю завтракать вовремя.

Паскинс рванулся было вперед, но Хинчклиф остановил его, крепко взяв за плечо.

Джорджи встала позади своего защитника. Она видела офицеров вроде Паскинса в Пензансе – трусливых и жестоких в своем гневе, пустые пушки, как называла их миссис Тафт.

– Послушайте вы, заячья душа, – сказал Браммит, вступая в перепалку, – на сегодняшнюю ночь девчонка наша, и вам больше не украсть того, чего вы не заслужили. Ни сейчас, ни когда-либо.

– Я вовсе не ваша! – сказала Джорджи из-за плеча Колина, осмелев от его присутствия и поддержки. – И потом, что этот джентльмен украл у вас? Единственное, чем вы обладаете, – это склонностью к трусости.

А ведь она дала обещание не поступать опрометчиво, подумала Джорджи в тот момент, когда у нее с языка слетели эти неосторожные слова.

Браммит сжал кулаки.

– Ты, манерная сука, я больше не намерен терпеть твой дерзкий язык, – сказал он, сделав шаг по направлению к ней, но тут же столкнулся с ее защитником.

Джорджи, восхищенная поведением Колина, бросила презрительный взгляд на теряющего человеческий облик офицера.

– Ну, давайте же, – сказала она, подталкивая Колина в спину, – задайте ему жару.

– Вы отнюдь не помогаете мне, – бросил он через плечо.

Джорджи взглянула на него, и до ее сознания вдруг дошло, что против одного Колина было трое офицеров.

– О, полагаю, что нет.

– Уж не думаете ли вы, что победите и на этот раз? – спросил Браммит. – Отдайте ее нам, и вам не придется испытывать еще бо?льшие унижения. Похоже, все эти пташки будут избегать вашего общества, узнав, что вы натворили. Вы теперь – ничто. Я слышал, даже ваш дед отрекся от вас.

Плечи стоящих перед ними офицеров напряглись и образовали прямую линию.

Между тем Браммит продолжил свою речь. Ухмыляясь, он обратился к Джорджи:

– Что ты сказала, моя сладкая? Возможно, он уже не кажется тебе столь привлекательным после того, как ты узнала правду. У твоего ухажера нет за душой и гроша. – Он еще больше выпятил грудь. – А мы трое только что получили денежное вознаграждение. За последние месяцы мы захватили достаточно французских кораблей, чтобы одеть тебя в шелка и бархат на многие месяцы вперед.

– Или раздеть, – добавил Паскинс, подмигивая ей и заиграв кустистыми бровями.

Джорджи вздрогнула. Одной мысли о том, что эти трое мужчин снимут свою форму, было достаточно, чтобы броситься к дяде и умолять его немедленно отдать ее в жены лорду Харрису.

– Прочь, Ромул, – повторил Браммит. – Эта девчонка – наша.

Ее защитник повернул к ней голову:

– Что вы на это скажете?

– Если вы не возражаете, я бы охотно пошла с вами.

– Так и поступим, – сказал он, и его глаза озорно блеснули.

Боже! На что она только что согласилась?

Джорджи никогда не считала себя особо изнеженной и чувствительной барышней, но на тысячную долю секунды она безумно захотела быть такой, как все молодые леди – сидеть дома, вышивая какой-нибудь пустячок. Тут Колин снова сжал ее руку, и неожиданно Джорджи очень обрадовалась, что не была такой, как другие благовоспитанные девушки ее круга. Потому что им не доводилось почувствовать прикосновение его руки.

– Джентльмены, вы слышали, что сказала леди: она идет со мной, – заявил Колин.

Он повернулся, чтобы уйти, и в этот момент Паскинс как молния бросился вперед, схватил Джорджи за свободную руку и рванул к себе. Колин попытался ударить его, но безуспешно, так как двое других офицеров заломили ему руки назад и оттащили в сторону.

– Будьте вы прокляты! – воскликнул он. – Вы не смеете поступать так по отношению ко мне и леди.

Он попытался вырваться, но Браммит и Хинклиф держали его словно в тисках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/boyl_elizabet/noch-strasti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)